

ПРИМЕТЫ ВЕСНЫ

Рассказ

Сашин отец отбрасывал от хлева снег.

— Пап, а зачем ты это делаешь? — спросила Саша.

— Весна скоро, чтобы к скотине вода не потекла, — ответил отец.

— А кто тебе сказал, что скоро весна?

— Сам вижу, по приметам, — ответил отец. — А ты разве не замечаешь, что она скоро придёт?

— Не замечаю, — ответила Саша. — Я не знаю примет, по каким замечают.

— Не заметок, а примет, — сказал отец. — Приметы весны надо знать. Их не так-то и много, можно запомнить.

— А какие они? — спросила Саша.

— Первая примета — дни светлыми становятся.

— Ну да, дни всегда светлые!

— Ну, нет, — возразил отец. — До марта дни больше серыми бывают, хоть и солнце светит, а день серый, тусклый. А вторая примета — ребята начинают лениться ходить в школу.

— Они всегда ленивые, — сказала Саша. — Девочки нет, а мальчишки ленивые.

— Ну, нет! — засмеялся отец. — Зимой, по морозу, они несутся в школу бегом, а оттепель наступает — тут и снежки, и липовые почки объедают, и борются. Со звонком в школу входят.

— А наш Вовка, Колька и Серёжка вчера опоздали, — сказала Саша. — Их за это после урока оставили.

— Значит, вот-вот весна начнётся, — сказал отец. — А Вовке надо будет ремня выгадать, чтобы не распукался!

Саша пошла к саду на сугробы и салазки с собой захватила. Ступила она с утоптанного снега на рыхлый — провалилась, сделала еще шаг — и опять наст не удержал её. Посмотрела вокруг и удивилась: снег совсем другой стал — грязный, рассыпчатый, как из крупы, а сугробы-то — низкие, как будто из-под них весь снег кто-то выгреб. Яблони и все деревья стали тёмные, как почернели от чего-то.

Саша дошла до одного сугроба, с которого салазки раньше далеко скатывались. Этот сугроб тоже низкий стал, и салазки тихо прокатились немного и утонули в снегу. Посмотрела Саша на валенки, они в капельках, галоши мокрые.

— Пап, я ещё примету нашла! — закричала Саша. — В саду она. Снег грязный теперь, проваливается, некатучий совсем и... и... и тает! Сугробики малюсенькие, проваливаются...

— Верно, — сказал отец. — А если ты посмотришь в поле, то увидишь, там и там чернеет что-то. Пovyтаяли полынки, комья, всё выбирается из-под снега. А самые главные приметы — птицы. Как прилетят птицы, так зиме не бывать больше.

Саша взглянула вверх, закричала:

— Вон они, пап, вон! Летят! Весна! Весна!

— Нет, Саша. Это не те птицы. То серые вороны. Они всю зиму кочуют здесь. Весенние птицы — жаворонок, грач, скворец.

— Пап, а где птиц смотреть, какие весну приносят? — спросила Саша.

— Грач на дорогу сядет, на навоз, — ответил отец. — Скворушка у скворечника будет распевать, а жаворонки, — те в поле. Выйди за огород. Видишь, где наша верба растёт? Вот там и послушай. Если с неба льётся песенка — жаворонки прилетели.

— Пап, а какая жавороночная песенка? Я помнила, только забыла.

— Ох, о жаворонке, как он поёт, и я забыл. Давно не бегал их встречать. А за работой и не слышать бывает теперь их песенок. Ты узнаешь сама. Жаворонок выше всех поёт, под самым небом. И песенка его ни на чью не похожа.

*

... Подошла Саша к вербе, взглянула, а под вербой мусор какой-то. Пригляделась, а это почки с вербы осыпаны. Хотела она домой побежать, сказать отцу, что ребята их вербу испортили, почки отрясли, но взглянула вверх и ахнула от удивления. Верба-то вся в белых барашках стояла! Ой, совсем-то у неё памяти не стало. Она с Вовкой ходила ещё прошлой весной за ветками с барашками. Это они, барашки, посбрасывали с себя одёжки и на солнышко вылезли греться.

— Папка, папка, а у нас верба-то... верба-то... — закричала Саша.

От радостного волнения она не могла придумать слова, хотела уже сказать, что верба обаранилась, но отец опередил её, сказал:

— Барашки у нас на вербе. Знаю, дочь. Ну, а жаворонки прилетели?

— Не знаю, пап. Я не смотрела на жаворонков. Мне не до них было. Я как взглянула, как взглянула! На снегу рубашки, а на вербе белые-белые барашки! Пап, а это тоже примета?

— Примета, — подтвердил отец. — А ты всё же послушай, не поют ли жаворонки. А то какая весна без жаворонков. Без их песен все приметы ничего не значат.

Отошла Саша недалеко и прямо над собой услышала пение. «Чу-виль-виль-виль», — журчало вверху. Она закинула голову и увидела над собой птичку. Она висела, помахивала крылышками и распевала: «Чу-виль-виль-виль».

Отец подошёл и стал тоже смотреть на жаворонка. Саша тихо сказала:

— Пап, прилетели. Я знаю, как он поёт: «Чу-виль-виль-виль».

— Правильно. А дальше: «Весна пришла, на жёрдочке, на бороздочке, на кнутике, на хомутике, на сохе, бороне, на кобыле вороне».

— Нет, он так не поёт, — возразила Саша. — У него слов нету.

— Это ты мало слушала, а подольше послушай, тогда и слова узнаешь.

Они пошли домой. Саша взяла вербовые веточки, приложила их к щеке. Барашки были пушистые, как

настоящие ягнята, только холодные, но они сразу согрелись от лица и стали тёплыми.

— Пап, теперь все приметы мы посмотрели? — спросила Саша.

— О, нет! — ответил отец. — У весны примет много. Будешь внимательной, все узнаешь.

ДОРОГА НА КРАЙ СВЕТА

Рассказ

Летом, когда зацвели луга, Вовка надумал пойти в Соловьиные Горки. Он не раз уезжал туда с попутными машинами. Дома знали, что он отправляется к бабушке, и не переживали о нём, не устраивали поисков.

Раньше он до Соловьиных Горок просто катался на машине, а теперь шёл по делам. Надо было ему инструмент добыть. Там дедушкин остался. «Подрастёшь, внучек, — говорила бабушка, — станешь плотничать, всяким-то струментом тебя снабжу: дедушка так завещал».

Вовка не знал, будет ли в Соловьиные Горки машина, не надеялся на неё и потому решил идти пешком. Он сочинил записку, на тетради написал крупно и криво:

Ушёл в соловьиные горк к бабушки обедать нехочю.

После этого он снял с верёвки чистую рубаху, не глаженную, без пуговиц, надел, причёсался перед зеркалом, пригладив ладонью со слюной вихор, и стал отрезать хлеб. Саша с улицы вошла в дом, заметила, что Вовка разнарядился, спросила:

— Вов, ты куда?

— Никуда. Кудыкает — добра не будет, — ответил Вовка.

— Я тоже хочу с тобой, — заявила Саша.

— Я далеко — ты не дойдёшь, уморишься.

— Нет, не уморюсь. Я большая стала. А ты к бабушке!

— Ну, к бабушке, — сознался Вовка. — Меня ругать не будут, а с тобой заругают.

Саша заплакала. Вовка взял яйцо с собой, соли насыпал в коробок и направился к выходу. Саша с рёвом бросилась за ним.

— Ну, чего ты? Тебе же дома лучше. Играй с куклами. А там пыль по дороге...

— Я не боюсь пыли, — заголосила Саша.

— И волки на дорогу выходят, — добавил Вовка.

— Не выходят, — возразила Саша. — Ты сам говорил, что их всех застрелили.

Вовка понял, что ничем сестру не испугать, попробовал её уговорить ласковыми словами:

— Ну, что ты плачешь? Ты не понимаешь, как далеко туда. У тебя ножки малюсенькие, их жалеть надо.

— Не малюсенькие. Они зимой выросли. И ботинки малы стали — мама сама сказала.

— Я тебя не понесу на закорках, — заявил Вовка.

— И я тебя не понесу, — ответила Саша и отошла к двери, готовая пуститься за Вовкой следом в Соловьиные Горки.

— Не останешься? — спросил Вовка строго.

— Нет!

— Ну, ладно! Я тебе попомню! — пригрозил Вовка и взял второе яйцо, потом толкнул сестру к двери на выход:

— Пойдём, слезокапка. Луку только нарвём.

Они прошли через деревню низом, над прудами, чтобы не встретиться ни с матерью, ни с отцом, и вышли на луг. Вовка ещё раз попытался уговорить Сашу вернуться домой, сказал ей, что только этот луг тянется на пять километров, что он и сам устанет, пока дойдёт до поворота.

— Нет, Вов, этот луг маленький. Вон поворот — я вижу. Мы туда ходили за ягодами, — ответила Саша.

Вовка вздохнул и зашагал по луговой дороге. Саша поспешила за ним. Он шёл быстро, нарочно, чтобы она сразу устала и вернулась бы домой. Но Саша и не собиралась возвращаться.

Бабушка, когда у неё спрашивали, где она ходит, говорила, что ходит лужочками да бережочками, но Вовка знал хорошо большую дорогу, по которой катался на машинах, а луговую помнил плохо. Давным-давно они ездили с отцом к бабушке в Соловьиные Горки, потом на обратном пути хворост везли домой из лесу. Теперь Вовка забыл, в каком лесу брали они тот хворост. Но он надеялся найти его, потому что бабушка не раз говорила, что язык до Киева доведёт. Не знаешь дорогу — спроси. Люди расскажут и покажут.

Первый луг они прошли незаметно. Второй луг широким оврагом тянулся далеко. Посередине, где весной и в ливни протекает вода, на этом лугу росли ивы. Травы на лугу было мало, всю поели коровы. Только кое-где белели ромашки и синели петушки. Саша срывала цветы, набирала букет для бабушки.

— Брось их, — сказал Вовка. — Мы к лесу подойдём, там уйма разных цветов. Эти коровы копытами измазали.

— А если там тоже нет? — сказала Саша. — Как мы к бабушке пойдём?

— Ну и неси, если охота, — ответил Вовка.

Шли они, шли, и вдруг этот овраг разделился на три. Справа был узкий дубовый лес, влево уходил берёзовый лесочек. Вовка стал вспоминать дорогу, по которой он ехал с отцом. Они ехали по большому оврагу, потом сворачивали в лес. У леса был дубовый куст. Мимо этого куста проходила дорога. Ветки стучали по колёсам, как трещотка.

Вовка направился к березняку и сразу увидел дубовый куст. Голые ветки его торчали над дорогой.

— Тут идём, — буркнул Вовка сестрёнке. — Потом будет деревня на горе, а под горой речка.

Солнце грело здорово. Ветер тёплый летел по лугу и пах какими-то цветами. Потом впереди показалось стадо. Оно было большое, занимало весь луг и склоны и двигалось им навстречу.

— Вов, а кто там? — спросила Саша. — Это овцы? Вовка замедлил шаг.

— Там коровы, — ответил Вовка. — И быки есть, забодают!

— Я быков боюсь, — сказала Саша и оглянулась.

— Говорил тебе вернуться! Теперь бойся и спасайся как хочешь.

Саша схватила Вовку за руку, бросила цветы. Бык может увидеть и погнаться за цветами. Теперь она вернулась бы домой...

— Не жми руку, — сказал Вовка. — Они далеко.

— Вов, а мы давай свернём, обманем их.

— Обманешь! — ответил Вовка и свернул на левый склон, где рассмотрел пастуха.

От стада скоро стал доноситься рёв быков. Они ходили по стаду со склона на склон, рыли рогами землю. У Саши от испуга застучало сердце. Она не знала, что ей делать, если на них набросится бык. Вовка поднял хлыстик на всякий случай, но разве такой большой бык испугается хлыстика!

— Вова, пойдём совсем-совсем в поле, — сказала Саша.

— Нет, в поле нельзя. Бык учует, выбежит, а пастухи не увидят, и тогда нам конец.

Саша остановилась и заплакала.

— Я не хочу ходить, не хочу! Пойдём скорее домой. Бабушка сама к нам придёт.

— Мы уже далёко прошли — теперь не вертаются, — ответил Вовка и потянул сестрёнку за руку вперёд.

Стадо подошло совсем близко. Три пастуха на лошадях пасли коров. Саша не видела пастухов, не смотрела" на коров: видела лишь огромных быков и плакала.

Ближний от ребят пастух подъехал к ним и слез с лошади.

— Откуда и далеко ли путешествуете? — спросил он.

— Мы к бабушке в Соловьиные Горки идём, — сказал Вовка.

— О, как далеко! — воскликнул пастух и взглянул на солнце. — К вечеру доберётесь, если будете мало отдыхать.

— А мы быков боимся, они нас забрухают, — заплакала Саша.

— Да что ты говоришь? — спросил пастух. — Не бойся. Наши быки только с виду грозные.

— А чего они режут? — сказала Саша.

Вовка дёрнул её за руку, чтобы не приставала к пастуху.

— Чего они режут? Неохота ходить в стаде, — ответил пастух. — Им на волю, на простор — там они показали бы себя.

— И нас забрухали бы? — спросила Саша.

— Пожалуй, забодали бы, — ответил пастух. — Там быку законы не писаны.

— А вы их не пустите на поле, когда мы пойдём?

— Не пустим. Идите спокойно.

— Дядь, а дорога прямо идёт? — спросил Вовка.

— Ну, наши дороги прямыми не бывают, — ответил пастух. — Они где лужком, где бережком, там полем наискосок, там через лесок. Такие наши дороги.

*

— Пойдём, — сказал Вовка и повёл Сашу за руку.

От стада уходили быстро. Оборачивались, смотрели, нет ли за ними погони. Саша не поспевала за братом, спотыкалась. И то, что у неё были маленькие шаги, и то, что она оглядывалась чаще Вовки, мешало ей идти, и она стала хныкать, проситься отдохнуть. Но скоро большой овраг кончился, вышел к широкому лугу, по которому протекала речка.

— Ну, вот и пришли, — сказал Вовка. — То лужочком шли, теперь бережочком пойдём, и дойдём скоро.

— А куда мы пойдём? Туда или туда? — спросила Саша, показав вниз и вверх по течению реки.

— Не з-знаю, — неуверенно ответил Вовка.

По берегу речки тоже пасли скот. Берег грязный, затоптанный навозом, и дорогу рассмотреть нельзя. А за речкой заливной луг, где трава была оставлена на сенокос. Весь луг в цветах.

— А наша бабушка по навозу не станет ходить, — сказала Саша. — Она там ходит, по цветочкам!

— А как она туда перейдёт? — спросил Вовка.

— А помнишь, бабушка говорила: «Лужочком, бережочком по камушкам, по голышикам» она ходит к нам.

— Постой тут — я посмотрю, — сказал Вовка и направился вниз*по реке. — Если найду камни, покричу тебе.

Саша осталась на берегу. К воде подлетела птичка, закивала головкой и, вытянув шейку, стала за кем-то гоняться.

— Вовка, — позвала Саша брата и рукой поманила его к себе.

— Чего тебе? — спросил Вовка, вернувшись к сестре.

— Погляди, — зашептала Саша. — Птичка тут чудная. Шею вытянула и бегаёт, как слепая.

— Цапля? — спросил Вовка.

— Ага, цапля, — ответила Саша.

Вовка стал высматривать цаплю. Она должна была стоять в воде, ловить рыб и лягушек, но её не было видно.

— Вон она, вон, — прошептала Саша. — Видишь, бегаёт всё.

— Не вижу.

— Куда ты смотришь? Вон она села на камушек.

— Вот эта? — спросил Вовка, увидев трясогузку. — А ты говорила — цапля.

— Я не говорила — ты говорил, — возразила Саша. — А кто это?

— Кто, кто. Трясогузка, не знаешь? — обозлился Вовка. Трясогузка улетела. Саша взглянула на луг, где осталось пастись стадо. По лугу что-то двигалось.

— За нами бык гонится! Быстро-быстро! — закричала Саша.

Вовка схватил её за руку, припустил бегом. За речкой впереди росли над водой кусты. Вовка решил переплыть и спрятаться в кустах. Вода под кустами спокойная и тёмная: глубоко видно. Вовке ничего не стоило переплыть, но Саша ещё не умела плавать — они побежали дальше. За кустами от берега до берега по речке лежали камни. Вода между камнями текла быстро. За камнями с берега к воде спускалась дорога и выходила из воды на второй берег.

— Сашка, тут брод! — обрадовался Вовка.
Они спрятались в куст и стали смотреть на луг, ждать, когда оттуда появится бык.
— Вов, а он след наш учует? — спросила шёпотом Саша.
— Нет, — тоже шёпотом ответил Вовка. — Он до воды только будет чують.
— Он дурак? — спросила Саша.
— Быки дураками не бывают, — ответил Вовка и вдруг прислушался. Какой-то странный звук донёлся из-за куста, как будто хрюкал большой боров.
— Слышишь? — спросил Вовка.
— Бык! — выкрикнула Саша.
— Тише! — шепнул Вовка и посмотрел в сторону луга. Оттуда выехал всадник на лошади, остановился над речкой, посмотрел вдоль берега и поехал в другую сторону от брода. — Говорила — бык, бык.
— Да, я подумала... — стала оправдываться Саша.
— Смотреть надо глазами, а не думать, — отрезал Вовка и снова прислушался.
— Лягушки, — прошептала Саша.
— Лягушки с борова ростом, — сказал Вовка и осторожно, крадучись, стал выбираться из кустов.
За кустами лежал дед вверх лицом и храпел. Вовка посмотрел на него, слегка испугавшись, но шагнул к нему, наклонился и стал проверять, живой ли он.
— Вов, а чего он тут?
— Спит.
— А у него дома нет?
— Не знаю. Я его побужу, — сказал Вовка и подёргал деда за рукав.
Дед забормотал что-то, поворочался и открыл глаза.
— Дедушка, а дедушка, — обратился Вовка, — а куда эта дорога идёт?
— Какая дорога? — Дед сел и осмотрел ребят. — Вы чьи? Как я сюда попал?
У деда глаза были какие-то белые. Вовка подумал, что он слепой, потом подумал, что сумасшедший, отступил от него, взяв сестру за руку.
— Мы из нашей деревни, — сказал Вовка. — Куда эта дорога идёт?
— На край света идёт, милый, — пропел дед, попробовал встать на ноги, но не смог. — Вот беда. Ноги не слушаются.
— А почему они не слушаются? — спросила Саша.
— Старые стали и больные, — ответил дед и посмотрел на солнце. — Не понимаю, детки, я что-то. Ложился когда, солнце на западе было, а сейчас от востока идёт.
— Оно всегда так ходит: от востока, — сказал Вовка.
— Какой хоть день-то? — проговорил дед. — Знать бы день, я тут навёл бы ориентир.
Вовка посмотрел на сестру, пожал плечами. В школу он уже не ходил и за числами и днями не следил. Может быть, теперь и месяц не кончается — идут и идут числа до ста и больше, пока первое сентября не подойдёт. А дни, может быть, теперь вверх ногами перевернуты и читаются наоборот: «атоббус» вместо «суббота».
— Какой казус-то со мной вышел, — заговорил дед. — В больницу я ходил. Дали мне там пузырёчек лекарствица, сказали капельками пить. А что старому деду капельки? Нёс, нёс я пузырёчек, дошёл до этого места. Вижу — водица течёт. Что не попробовать лекарство-то? Нагнулся к речке, раскупорил пузырёчек. Куда капельки-то накапать? Э, решил тут-то, капельками баловаться. Опрокинул весь пузырёк, воды попил, выбрался сюда вот: разморило меня скоро, тут и заснул. На сон-то я с годами слаб стал, вроде и спишь, а то тем, то другим глазом небо видишь.
— Дедушка, а нынче-то четверг, — вспомнил Вовка. — У нас в этот день магазин закрытый бывает. Правда, Саш, четверг?
— Правда, — подтвердила Саша, хотя не знала дням порядка.
— Ох-хо-хо, — произнёс дед и поднялся на ноги, словно от испуга. — Четверг, говорите? Четверг? А из больницы-то я под среду отправился. Да, да, вот и газетку покупал, вторником была. Сколько ж я проспал-то тут?
Дед стал считать: четверть от вторника, среда целиком да от четверга почти полдня, да две ночи. Вышло по подсчётам без малого двое суток.
— От, старый! От, бестолковина! Не вы — и не проснулся бы, глядишь, — ругал дед себя и дивился, как это он смог столько проспать под открытым небом. — Эх, умыться хоть со сна.
Дед сошёл к речке и стал умываться. Саша прошептала:
— Вов, а мы пойдём на край света?
— Зачем тебе на край света?
— Дорога туда идёт?
— Ну, туда. А мы у бабушки останемся. Дедушка, а Соловьиные Горки на какой дороге? — спросил Вовка.
— А вы из Соловьиных? — спросил дед. — Чьи вы там будете?
— Нет, мы туда идём. Бабушка наша там живёт, — ответил Вовка.
— Бабушка-то ваша? Я там почесть всех знаю.
— Наша бабушка хорошая, — сказала Саша.
— Да зовут-то как её? — спросил дед.
— Ариной, — ответил Вовка. — Бабушка Арина.
— Знаю я вашу бабушку, — сказал дед, выходя на берег. — Пообедал я у неё, как в дорогу пуститься. Мы с ней в родстве считаемся, хоть и в далёком, а свои, родня. А вы-то не внуки ли и деда Павла из Калиновой Слободы?
— Внуки, — ответил Вовка, а Саша добавила:
— Мы всем дедушкам и бабушкам внуки.
— Выходит, всем, — подтвердил дед и стал развязывать узелок. — Раз вы и мои внуки, будет вам от меня по гостинцу.

Взял дед из узелка горстью конфеты, протянул Саше:

— Держи-ка, внученька.

Ручки у Саши были маленькие, и конфеты рассыпались в траву.

— Погоди-ка, милая, сейчас мы их определим, — сказал дед, разорвал газету и свернул из неё кулёчек. — Вот тебе и конфетница. Соберём эти да ещё добавлю. У меня своих внуков-то нет с собой, все в городах живут — а мне-то куда сладости?

Потом дед насыпал конфет Вовке в карман и стал собираться в поход.

— Дедушка, а вам далеко идти? — спросил Вовка.

— Не сказать, что далеко, но и не близко. Девять вёрст я прошёл, да осталось семь.

— И нам девять? — перебил деда Вовка.

— Одна дорога, — ответил дед.

— Дедушка, а ты опять спать пойдёшь? — спросила Саша.

— Я теперь надолго выспался, — ответил дед. — Дома спать буду, как бессонница снова не найдёт. И лекарства больше нету. От лекарства я так спал. Мог и не пробудиться. Зато болезни не чувствую. Как молодой стал.

— Дедушка, а что у вас болело? — спросила Саша.

— Ох, внученька, всё у меня рассыпалось, кругом болел. И доктор не придумал названия моей болезни, — ответил дед.

— А наш Вовка ленью болел, — сказала Саша. — Он и в школу тогда не ходил.

— И у меня, наверное, такая болезнь, только от старости. Ну, а теперь прогнал я её, побегу домой.

Дед пошёл лугом от них, а они от него. Он сказал им идти речкой, потом свернуть налево, потом снова по берегу, тогда покажется на горе вышка, там-то, на берегу под этой вышкой, и будут Соловьинные Горки.

Солнце опустилось за бугор совсем. Дорогу и весь луг накрыло тенью. Над травой и спереди и сзади забелел туман. Звёзды появились в небе, и слева над полем показался месяц.

— Вов, а ночью что мы будем делать? — спросила Саша. — Ночью волки...

— Молчи, — приказал Вовка и огляделся по сторонам. Он прятал свой страх от сестры, насвистывал, делал вид, что ему всё нипочём.

— А бабушка ночью нас узнает? — спросила Саша.

— Ночь не скоро будет, — ответил Вовка. — Вон заря светит, вечер ещё. А у бабушки электричество горит.

— Вов, а если мы бабушкины Горки не найдём? ..

— Замолчи ты! — Вовка дёрнул сестру за руку. — Так и знай, другой раз ты со мной не пойдёшь.

— И не пойду. И не брал бы сейчас. Думаешь, я плакала бы?

Вовка предложил ей поесть луку с хлебом и солью, картошку с яйцом. Она согласилась. Вовка дал сестре в руки картошку, лук с хлебом, научил её, как всё удержать, — и пошли они дальше, ужиная. Еда была очень вкусная. Вовка говорил, что другой раз он возьмёт ещё мяса.

— Вов, а зачем мы идём? — спросила Саша.

— За инструментом. Я ложки буду делать. Не видала, какие Витька-токарь делает? Только он на станке сперва, а потом долотом строгаёт.

— Не видала, — ответила Саша. — А зачем нам ложки? У нас есть железные и всякие.

— От железных зубы болят, — сказал Вовка. — Бабушка всегда деревянной ест.

— А у неё совсем зубов нету, — сказала Саша.

— У неё нету от горя, — пояснил Вовка. — И старая она.

— Да и не старая совсем, — возразила Саша. — Она самая молодая.

Они разговаривали громко. Их голоса далеко летели по вечернему воздуху. В небе вдруг показалась красная звезда. Вовка остановился, посмотрел на эту звезду. Он думал, что летит самолёт с красным огнём, но звезда стояла на месте. Впереди вдруг послышался собачий лай, и внизу засверкали яркие огни.

— Саша, это Соловьинные Горки! — воскликнул Вовка. — Мы пришли к бабушке! Там на вышке красная лампочка светит — я помню.

Скоро к ним прибежал Шарик. Он визжал радостно, прыгал Вовке на грудь и лизал лицо.

За околицей бабушка с причитаниями встретила внуков, расстроилась, что они припозднились.

— Ноженьки-то свои, поди, оттопали.

— Нет, бабушка, мы не устали, — сказала Саша. — Мы и на край света дотопали бы!

ЗЕМЛЯНИЧНЫЙ ЛУГ

Рассказ

Соловьинные Горки были красивой деревней. Вокруг много приволья: речка текла, водяная мельница стояла, над речкой на крутом каменистом бугре рос сад, за деревню уходили широкие луга, за которыми, как думала Саша, и начинался край света. Туда тянулась всё та же дорога, приведшая их к бабушке. На бугре за вышкой был лес. Саша ходила туда с бабушкой за лесной травой на лекарства.

Вовка в тот же вечер, когда они пришли в Соловьинные Горки, сбегал с Шариком на речку и искупался, а потом каждое утро, чуть свет, уходил на берег с удочкой, смотрел верши и приносил домой рыбу. После завтрака он снова отправлялся на речку на весь день и там пропадал, как говорила бабушка, пропадом.

Но всего два дня прожили Вовка с Сашей у бабушки и вдруг собрались уходить домой, заскучали.

Бабушка расстроилась.

— Ох, родимые, да пожилы бы у меня-то. Не дом ли вам тут? И еда всякая вам, и речка, и леса. Успеется домой.

Вовка остался непреклонен, не поддавался на уговоры.

— Ну, не спешное дело, — сказала бабушка, когда Вовка приказал Саше выходить на дорогу. — Будете вы

дома. Сейчас я добегу до конюшни, телегу запрягу, подвезу вас.

Бабушка выпросила у конюха лошадь. Вовка впряг её в телегу, положил свежего сена и сам взялся за вожжи.

— Бабушка, садись, — сказал Вовка, выехав на дорогу.

— Ещё чего, — ответила бабушка. — Кататься с малыми по деревне курам на смех. Езжайте с богом.

Бабушка собрала гостинцы, инструмент Вовке: долота со стамесками, нарядилась, как на праздник, закрыла двери и вышла к подводе.

— Ну, поехали за спелыми орехами, — сказала бабушка, сев в телегу. — Держись, внученька, под колесо не попади.

— Нет, не попаду, — ответила Саша. — Я умею на телеге кататься.

*

Ехали они тем же лугом и по той дороге, по которой шли в Соловьиные Горки. Вовка разгонял лошадь, но она не хотела бежать, шла шагом.

— Не гони её, внучек, — сказала бабушка. — Нам не к спеху. Хоть день, хоть два будем ехать — успеем.

— А мы спать будем на лугу? — спросила Саша.

— Да ну, не будем мы тут спать, — ответила бабушка. — Старик тот, чумовой, пример тебе показал. Увижусь, посмеюсь над сонной тетерей. Как ночью-то холод его не пробрал?

— А он в фуфайке, баб, — сказал Вовка.

Лошадь свернула вдруг на другую дорогу, вправо от речки.

Вовка спохватился, потянул вожжу, но бабушка остановила его:

— Даром, Вова. Она знает, куда вас свозить надо. Там-то, — бабушка показала на небольшой лужок с леском, — земляничный луг будет. Теперь, поди, ягода поспела.

— Нет, ба, — сказала Саша, — не поспела ещё. Мы ходили. . .

— Э, вы не знаете, куда надо ходить. Тут вот ягодки-то на полторы недели раньше вызревают. Сейчас увидите.

— Баб, а почему у вас трава на лугу, а у нас нет? — спросил Вовка.

— У вас начальники никудышные, — ответила бабушка, — потравили скотиной все лужочки.

— Бабушка, а наш Вовка тоже хочет начальником быть, — сказала Саша.

— Не хочу я, — возразил Вовка. — Я шофёром буду.

— Нет, ты говорил! Помнишь, говорил?

— Ну, и буду. Тебе-то что? — сказал Вовка.

— Не спорьте, — вмешалась бабушка в разговор. — Начальники тоже нужны. Без них ни пойти никуда, ни поехать и никакого дела с места не сдвинуть. Вовка в наших дедов хозяйственный, из него хоть начальник, хоть молчаливик путный выйдет. Пускай его.

Они выехали на лужок. Дорога шла под лесом. За дугу цеплялись зелёные берёзовые ветки. Они отъехали от приречного луга до поворота. Бабушка велела Вовке остановить лошадь, пустить её в траву. Саша слезла с телеги, спросила:

— Бабушка, а где ягоды?

— Поднимайся на бугор и смотри там. — Бабушка показала на крутой с мелкой травкой ягодника склон. — Тут все века ягода родится.

Она взяла бидончик, подождала Вовку, пока он отпускал чересседельник и привязывал вожжи, чтобы лошадь не запуталась в них, и направилась следом за Сашей на крутой склон.

— Есть ягодка, — сказала бабушка. — Дух ягодный ветерком принесло. Снесёте мамке в гостинец.

В травке-ягоднике краснела земляника. Вовка сорвал несколько ягод, положил на ладонь, посмотрелся на них и, закинув голову, ссыпал в рот. Он закрыл глаза, чтобы свет не мешал раскушать ягоды, и раздавил их языком. Кисло-сладкий сок растёкся во рту. Вовке показалось, что вместо ягод к нему в рот попало маленькое солнышко. Оно обожгло язык и засветилось в глазах.

Бабушка подошла к Вовке, спросила:

— Ну как, отведал? А вы мне — не поспели! Я-то уж знаю, когда им поспеть.

— Бабушка, а почему в твоей деревне раньше поспевают? — спросил Вовка.

— Климат тут особенный, — ответила бабушка. — Камня тёплого под землёй много. Зимой сюда снегу ох сколько наматает. Камень-то и не настывает от снега, а с весны всё солнышко на этот бугор идёт. Все лучики сюда направлены.

Бабушка отдала Вовке бидон, сама стала срывать землянику с веточками в пучок, чтобы спелые ягоды съесть дома, а зелёные с травкой на заварку чая оставить, на лекарство от простуды...

— Ну, не порожнем домой явимся, — сказала бабушка. — Обрадуем родителей — полакомятся ягодкой.

Они сели в телегу и поехали назад, к речке. У Саши на голове белел веночек из ромашек. Бабушка держала в руке большой пучок земляники, смотрела на удалявшиеся Соловьиные Горки, радовалась своей деревне, где родилась, прожила долгую счастливую и горестную жизнь. Горестную — от войн, насылаемых врагами, от неурожаев и пожаров, от болезней и смертей близких ей людей; счастливую — от земной красоты, от солнца с месяцем, от снегов белых и цветущих трав, от птичьего пения, от лесов и полей, от речки, от ягодки-малинки, от внуков. Из-за них-то и дорога теперь эта мила-премила стала ей, и их деревня дорога, как и своя, Соловьиные Горки.

Вовка оглянулся назад. Вдали поднималась вышка. Над речкой на крутом склоне темнел колхозный сад. Он спросил:

— Бабушка, а зачем у вас на горе сад посадили?

— Гора хорошая, вот и приглядели её под сад. У нас на другом-то месте сохнут садошки, плодов не родят, туманы цвет поедают. А на ту горушку никакому туману не взобраться, хоть и речка рядом. Солнце опять же весь бугор согревает.

— Бабушка, а хочешь, я тебе веночек свой отдам, — предложила Саша.

— Отдай, — согласилась бабушка.

— Бабушка, а можно я буду ягоды держать? — снова спросила Саша.

— Держи, — разрешила бабушка и передала внучке землянику.

Вовка сердито взглянул на сестру.

Он так и знал, что она выпросит у бабушки ягоды, а сама ни одной не сорвала ни в этот пук, ни в бидон.

Он взял хворостину и погнал лошадь.

Скоро они переехали речку, свернули на большой бестравный луг и поехали к дому.

Вовка больше не оборачивался.

Он правил вожжами и думал, что когда вырастет большой, выучится, то станет председателем, хорошим только, как в Соловьиных Горках, и не даст коровам ходить по лугам, разведёт на лугах сено и ягоды и сад свой посадит опять.

У них сад тоже на солнечном бугре, и яблок в нём много было...

ЗА СЕНОМ

Рассказ

Все летние дни у Вовки были заняты разными делами. Но когда вечером отец спрашивал за ужином, чем он занимался, то Вовка откладывал ложку, задумывался и отвечал:

— Бегали с ребятами, а ещё купались. Во второй раз он отвечал по-другому:

— Купались с ребятами, а ещё бегали.

— А где бегали? — спрашивал отец.

— Кругом, — отвечал Вовка.

«Кругом» — значило, что бегали вокруг деревни, по всем местам. Зачем бегали, с какими целями — Вовка не мог сказать, потому что к вечеру забывал об этом.

А дела у него были такие: гонял с конюхом лошадей на луг, ходил к пастухам пасти скот, чтобы покататься на лошади в седле, бегал в лес за палками для разных своих нужд, обследовал овраги и просто играл с ребятами в саду, копался в старых комбайнах, в тракторах и машинах на свалке у мастерских.

— Да, Вовка, жизнь вам наступила! — говорил отец. — Только и знаете — бегать. Я, таким когда был, боронил, а то пахал землю. Сено в волокушах возил, солому.

— А нас не посылают, — отвечал Вовка.

— В том и беда, что не посылают. Лодырей из вас растят. Только и научитесь бегать.

— И плавать, — подсказывал Вовка и смеялся.

— Только и всего. Побежишь этак, речка на пути встретится — в воду, переплыл — и дальше мчись.

— Потом море, а потом океан, — мечтал Вовка.

— А в океане киты, — вмешивалась в разговоры Саша.

— Киты, акулы, — дополнял отец. — Съедят нашего пловца-бегуна, тем и кончится его жизнь.

И решил Вовка заняться каким-нибудь важным делом. Долго не раздумывая, взял топор и за сараем взялся из раковой колоды долбить лодку. Но работа эта оказалась ему не по силам. Ракита была спилена весной, в соку. Теперь она высохла и стала крепкая, какая-то резиновая. Ударяет он топором, а она не рубится.

Вдруг какая-то тётка прокричала у дома:

— Вовка, выйди ко мне! Где ты пропадаешь?

Вовка оставил топор и с радостью пустился к дому, где его ждала тётка Наталия.

— Вова, ты дюже занят делами? — спросила она.

— Нет, я совсем не занят, — ответил Вовка. — А что, тётъ?

— Хотела тебя попросить помочь мне. Подводу выпросила за сеном съездить. Надо и лошадь пригнать, и сбрую собирать по деревне. Самой мне не справиться: долго будет.

Вовка не раз исполнял такие просьбы. Лучшее занятие и не придумать, как привести из табуна лошадь. Он согласился помогать не раздумывая.

— Уздечка, хомут с седелкой у Тарасовых, телега брошена у амбаров. Соберём ли? — сказала тётка Наталия.

— Соберём, — ответил Вовка. — Я уже собирал так.

— Ну, стало быть, не зря я к тебе обратилась. Мои все на сене в совхозах. Училищем отправили. Когда придут — неизвестно.

За уздечкой к Тарасовым Вовка не пошёл. Они жили на Калиновой Слободе, рядом с дедом Павлом. Пока к ним дойдёшь — за лошадью успеешь сбежать.

— Вова, я буду дома. Как справишься, крикнешь мне. За телегой вместе отправимся, — сказала тётка Наталия и ушла.

Вовка заглянул в амбар. В амбаре на стене висела вся сбруя. Он схватил уздечку и подался на луг за лошадью.

*

Когда много появилось в колхозе машин, за лошадьми ухаживать стали плохо. Теперь летом и конюха настоящего не было. Считалось, что лошадей пасёт и распоряжается ими Юрки Тимонина мать. Но на деле было по-другому: распределял лошадей на работу иногда бригадир, а иногда каждый сам себе брал подходящую лошадь, а пас их Юрка.

Когда Вовка прибежал на луг, то Юрку он не нашел возле лошадей. Наверное, Юрка купался с ребятами на пруду.

Вовка выбрал Буланку. Других подходящих лошадей не было. Буланка считалась самой тихой и послушной в табуне. Говорили, что на такой лошади годовалый ребёнок проедет, только посади его. Вовка подумал взнуздать Буланку, но пожалел. Такая старая лошадь, бокастая, тяжёлая — не растреплет. Только будет траву щипать на ходу — бегом насильно не разогнать.

Садиться на лошадь у Вовки ещё мало было опыта. В деревне он садился верхом с телеги или с чего-нибудь

другого. Однажды даже к колодезю лошадь подвёл, покачал сруб и стал взбираться на него, чтобы оседлать лошадь и поехать верхом к дому. Тогда к нему подбежала тётка Наталия и отшлёпала по задку. Она сказала, что с телеги, с какого-нибудь бревна или с завалинки он может свалиться на землю, заработать шишку, только и всего, а в колодезю нырнёт — поминай, как звали.

Луг был почти ровный, без канав, без бугорков. Вовка присмотрел кочку, подвёл к ней Буланку и, встав на кочку, приладился прыгнуть. Вовка не надеялся сразу поехать. Он знал, что кочка низкая, не вспрыгнуть на Буланку с первого раза, а ещё ему мешает её толстый бок. Так и случилось: он не удержался на лошадиной холке, падая, не попал ногами на кочку и улетел под Буланку. Увидел над собой огромный живот Буланки, её большие ноги, почувствовал, что ушибся головой о кочку — стрелой вылетел из-под лошади. Буланка стояла на месте и одним глазом косила на незадачливого ездока.

Вести лошадь в поводу Вовке не хотелось. Встретят ребята, засмеют. На второй стороне луга, на возвышении рос дубовый куст. Вовка завёл Буланку под него, по стволу одной из веток перебрался ей на спину, пригнулся, прижался к холке и тронул повод. Буланка пошла из-под куста. В этот же миг что-то потащило его с лошади, на спине треснула рубаха, и холодная листва скользнула по телу.

— Разорвал! Рубаху разорвал, — испуганно проговорил Вовка.

Дома за рубаху спасибо никто не скажет. И по деревне нельзя в рваной рубахе ехать. Вовка снял рубаху. От ворота до подола она была разорвана. Он скомкал её, засунул в карман и направил Буланку к колхозному саду.

В колхозный сад поставили сторожа. Яблоки ещё были мелкие, пушистые, как птенчики, и кислые. Ребята их не рвали, но сторож в сад ни одного не пускал, чтобы не привыкали. Не пускал пеших, а на лошадях можно было проехать.

Сторож был одноногий, на деревяшке. За ворами бегать он не мог и поэтому брал с собой в сад двух собак. Одна собака, злая, сидела у шалаша на цепи, но ребята думали, что он её спускает с цепи, когда кого заметит в саду, и налёты на сад не делали.

— Н-но! — нарочно громко стал погонять Вовка Буланку.

Сторож, дядя Серёжа, ремонтировал шалаш. Он обернулся и сказал:

— Здравствуй, Вовка! На работу направился?

— Нет, — ответил Вовка. — Подвода тётке Наталии нужна — за сеном поедет.

— За яблоками-то будешь лазить? — спросил дядя Серёжа.

— Нет. У нас свои есть, — сказал Вовка.

— Свои не такие. Это я знаю.

— У вас Полкан, — сказал Вовка.

— Да, Полкан старше стал и ещё злее. Но ты не бойся его. Ты приходи. Только днём по-честному — и любое яблоко сорвёшь.

— Ладно, буду приходить, — пообещал Вовка и поехал к деревне.

Вовка оглядывался, завидовал дяде Серёже, что он самый счастливый человек. Караулит весь колхозный сад. Яблони стояли тихо. Птицы пели. По саду пестрели всякие цветы. Вовке не хотелось уезжать. Если бы он знал, что дядя Серёжа позовёт его приходить за яблоками, он попросился бы помогать ему делать шалаш. А потом и караулил бы с ним вместе сад. Вот бы ребята завидовали потом ему.

На ракигах кричали грачи — молодые и старые. У Вовки от всей красоты в саду душа заныла.

Незлая собака Птаха проводила Вовку до канавы сада, тявкнула ему вслед, словно предупредила больше не заезжать, и вернулась к шалашу. Вовка заторопил поводьями Буланку. Он решил справиться тётке Наталии подводу и вернуться в сад помогать дяде Серёже достраивать шалаш, а потом... потом попроситься сторожить вместе с ним — за так.

*

На телеге оказалось разбитым одно колесо: в ступице разболтались спицы, сваливалась шина с обода.

— Вот и съездили за сеном, — загоревала тётка Наталия. — Всё разбросали, всё развалили. На машины надеются. А на машине-то не в каждое место въедешь. Дорогу прокладывать надо, лес вырубать.

Они стояли у телеги. Буланка ела траву. Вовка смотрел на колесо и соображал, что бы придумать. Они раз с отцом без колеса ехали. Дубок отец подставил под ось, как лыжу — добрались до деревни. Вовка вдруг вспомнил, что за конюшней валялось хорошее колесо, только ребята закатали его в силосную яму.

— Тёт, за конюшней есть колесо, — сказал Вовка. — Я знаю, где оно там лежит.

— Придётся идти добывать колесо или целую телегу.

— А мы сразу давайте поедем на этой, — предложил Вовка. — Я сейчас... налажу...

Он побежал за амбары, открутил со старой сортировки проволоку и вернулся к телеге.

— Ну, работай, помощник. Я в долгу не останусь, расплачусь с тобой, — сказала тётка Наталия.

— Нет, мне, тёт, ничего не надо. У нас своё всё есть.

— Есть, нет ли — меня не касается, — возразила тётка Наталия. — Долг платежом красен.

Вовка подбил камнем шину, поставил на место, выровнял, привязал в нескольких местах проволокой и покачал колесо.

— Можно ехать, тёт, — сказал он. — Запрягать будем. Вовка завёл Буланку в оглобли, заложил в один гуж оглоблю, конец дуги и положил дугу на лошадиную шею, зашёл справа.

— Ну, Вова, а ты, я смотрю, уже совсем вырос, — сказала тётка Наталия. — С лошадью справляешься — стал большой.

— Я не совсем справляюсь. Я садиться на ровном месте не умею.

— Садиться — другое дело. Научишься.

Вовка вспомнил, как залетел под Буланку, как разорвал рубаху, и рассмеялся. Вынул рубаху и показал разодранную спину.

— Да кто ж это тебя располосовал так? Не ребята ли?

— Сам, — ответил Вовка. — Потом расскажу... Тётка Наталия посмеялась над Вовкиными бедами.

— Ну, ты не тужи о рубахе, — сказала она. — Сено привезём, я тебе её минутой зашью. Был бы ты побольше,

ребячью отдала бы... А, словом, придумаем какой-нибудь ход.

— А мне с вами ехать? — спросил Вовка.

— Если ты не занят...

— Не занят я, — ответил Вовка. — В сад только хотел сходить, дяде Сергею помогать шалаш делать.

— Ты у нас боевой, успеешь и в сад, и за сад.

... Колесо было в яме, присыпанное землёй, и Вовка не осилил вытащить его, беспомощно посмотрел вверх.

— Не поддаётся? — спросила тётка Наталия. — Сейчас я сама попробую. Надо же — куда скатили! И как вы не понимаете, что это общее добро, что его все оберегать должны?

Тётка Наталия спустилась в яму, качнула колесо туда-сюда и вывернула его.

— Замокло, тяжёлое стало. Тут и мужику не справиться, а тебе где уж осилить.

Они вытащили колесо, поставили на ось и отправились в путь. Дорога была тихая, проросшая травой. Поля зеленели хлебами. Взлетали жаворонки, но высоко в небо не поднимались, чуть-чуть пели и садились. Вовка следил за жаворонками и думал, что в поле у них гнёзда с птенцами, что потом их будет ещё больше, весной, когда прилетят и будут петь, всё небо затмят. Тётка Наталия вздохнула и сказала:

— Как хорошо летом-то у нас! Не дни, а отдыхи. И никакая-то работа не в тягость.

Вовка вздохнул в ответ и стал пристально осматривать поля. В сторону солнца над бугорками волнами плыл тёплый воздух. Было просторно и светло. И только теперь он почувствовал, что и правда, везде тут хорошо, как сказала тётка Наталия. Поэтому и никогда его отец не говорит, что он устал на работе. Вовка задёргал вожжи, заторопил Буланку.

Они докатили к ложине и свернули с главной дороги к лесу. В ложине, прямо у дороги, из овражка сочилась вода.

— Погоди-ка, Вова, — сказала тётка Наталия. — Колодчик тут был. Поглядим — цел ли.

Вовка тоже знал этот колодчик, пил не раз из него воду. Теперь его не было. Осенью и весной по этой ложине перегоняли скот, коровы пили воду и размесили колодчик. Но из земли бил родничок, вода сочилась по колдобинкам, впитывалась опять в землю, исчезала.

— Надо вырыть его снова, — сказала тётка Наталия.

— Тёт, а кто его рыл всегда? — спросил Вовка.

— Люди рыли. В половодье его затаскивает илом. Пойдёт кто мимо, посмотрит, ключик умирает, так вот, наклонится да разгребёт ил. Другому покажется: мал колодчик — тоже не преминет подрыть. Глядишь — и напиться есть где.

Тётка Наталия помяла вокруг родничка землю ногами.

— Дышит земля-то, а без лопатки нам её, наверное, не разгрести.

Вовка нагнулся к родничку, сунул в него руку. Глубоко уходил мягкий, леденящий ил. Он захватил его и вытащил большим комом.

— Никак подаётся! — удивилась тётка Наталия и тоже склонилась к родничку.

— Я сам, — сказал Вовка. — Вода дюже холодная, руки простудятся.

— А твои не простудятся?

— Мои привыкли, — ответил Вовка. — Я в половодье целыми днями мельницы делал. Там совсем со снегом вода.

Вовка принялся работать обеими руками. Вода в лунке уменьшилась, стала мутной, покрылась травинками, сучками.

— Тёт, а родник не умрёт? — спросил Вовка.

— При добрых людях чего ему умирать, — ответила тётка Наталия. — Я сколько помню, бабки мои с прабабками — всё он тут-то себе бьёт и бьёт ключиком, поит народ.

— А мои прадедки тоже пили? — спросил Вовка и мазнул себя по носу, сгоняя муху.

— Все пили, — смеясь, ответила тётка Наталия. — Руки-то, поди, застудились. Оставь пока. Назад обернёмся — ещё покопаешься.

— Последний раз, — сказал Вовка и запустил руки как можно глубже, чтобы больше вынуть ила.

Что-то твёрдое попало ему в руку, твёрдое и гладкое. У Вовки забилось сердце, подумалось: вдруг нашёлся какой-нибудь клад. В локтях заломило от холода руки, и он вытащил их погреть.

— Там что-то твёрдое лежит, — сказал он.

— Камень, верно, — ответила тётка Наталия.

— А клады бывают? — спросил Вовка.

— Говорили, когда я маленькая ещё была, что клады находили на ключах...

— Клады! — сказал Вовка и задвигался от нетерпения, готовый по плечи запустить руки в родник. — Я выну ещё раз — руки согрелись.

Вовка нашёл твёрдый предмет, подцепил его пальцами и вытащил из ила.

— Камень, — сказал он пренебрежительно и замахнулся бросить его.

— Постой, не бросай! — остановила тётка Наталия. — Дай посмотрю.

Камешек был плоский, треугольный. Она погладила его рукой, сорвала былинку и поковыряла в одном уголке. Былинка проткнулась сквозь камешек.

— Вовка, несмышлёныш ты этакий, что ты нашёл-то! — сказала тётка Наталия. — Это же настоящее украшение! Шёлковую нитку продеть — и на шею!

— А кому? — спросил Вовка.

— Невесте твоей. Кому же ещё, — ответила тётка Наталия и отдала Вовке камешек.

— У меня нету невесты, — смутился Вовка.

— Сейчас нету, а годам к семнадцати явится. — Тётка Наталия направилась к телеге. — Сама собой придёт красавица.

— Откуда? — спросил Вовка.

— Откуда ветер подует. Ветром пригонит. Если с ночным ветром — цыганку, при солнце — льняные косы

будут. Жди, любезный. Камешком-то этим и украсишь ей грудь.

Они сели на телегу и поехали дальше. По ложине росла густая, мягкая трава. По цветам летали шмели и пчёлы. Вовка взглянул тайком на камешек. Один уголок камешка позеленел, как от чернил. От леса подул тёплый ветерок. Вовка вскинул голову. Ему подумалось, что с этим ветерком придёт к нему невеста с льняными волосами. Он отдаст ей камешек...

Вовка почувствовал, что у него стало кружиться в голове, что Буланка куда-то скрылась и едет он не на телеге, а на чём-то волшебном, и тётки Наталии рядом нет.

— Как в сказке, — сказал он.

— Вова, правь её дорогой, — сказала тётка Наталия. — Что-то совсем ты ей волю дал.

Вовка опомнился, увидал, что Буланка сошла с дороги, пасётся в траве, сказал:

— Задумался. — Он выправил лошадь на дорогу и спросил: — Тёт, когда дождь будет и ветер, и она придёт, какая она будет?

— Кто? — спросила тётка Наталия, забыв, о чём и речь шла.

— Невеста, — ответил смущённо Вовка.

— Вот ты о чём. От дождя она с веснушками будет. Насажает на личико-то ей дождик метинок.

— А утром, когда солнца нет?

— Поди, неженка явится в такую-то пору. Неженка да белоголовка, как через белы-то туманы пройдёт.

— А-а, — понимающе акнул Вовка и спросил снова: — Тёт, а если рыжие? ..

— О, и на рыженьких своё время. Этим вечерними зорями приход. Ну, всё мы с тобой на места поставили.

Теперь через просеку на опушку подавайся, там-то у меня копнушка сена стоит, — сказала тётка Наталия и сошла с телеги.

У Вовки остался ещё один вопрос, и очень важный вопрос. Въехав на просеку, он обернулся и крикнул:

— Тёт, а если ветра такого не будет, что тогда?

— Бобылём останешься, — ответила тётка Наталия. — Да всю жизнь и будешь на чужое счастье смотреть.

Правь лошадью. Зацепимся — ось сломаем.

Вовка спрятал камешек в карман, решил беречь его до светлого часа и, глядя вперёд, запричитал:

— Бобыль. Горбыль. Быль...

Впереди на просеке показалось небо. Скоро кончилась просека. По опушке, среди молодых берёзочек, стояли копны сена. Тётка Наталия зашла вперёд, сказала держаться за ней и направилась к своей копёнке.

*

Тётка Наталия подавала вилами сено, а Вовка был на возу. Он никогда не накладывал возы, боялся упасть сверху, отказывался.

— Нет, сегодня ты у меня за настоящего работника будешь, — сказала тётка Наталия. — Не говори, что ты не умеешь. Ты на все руки мастер. Тут от тебя и мало что потребуется: знай уминать сено ногами да командовать мне, куда тебе подавать навильни.

Вовка остался на возу. Тётка Наталия положила сено на углы, потом заполнила промежутки и забросала середину.

— Вот так и будем с тобой растить возок, — сказала она. — Велика ли сложность. Один воз сложишь — второй без подсказки получится.

Высоко поднялся Вовка на сене. Осмелел, перестал бояться, что сено сползёт, свалится на сторону, и он разобьётся. Когда воз был увязан верёвкой, вовсе стало хорошо и не боязно.

Тётка Наталия подала Вовке грабли, вожжи, велела править по опушке до ложины, где пологий спуск и переезд на большую дорогу, сама стала вилами придерживать воз справа.

Без приключений доехали они до большой дороги. Тётка Наталия заглянула в колодчик, сказала Вовке, что вода осветлела и течёт через.

— Ну, трудное место проехали. Теперь хоть спи на возу. Буланка дорогу знает, — сказала тётка Наталия. — Воз тоже ровно сложен.

Вовка привязал к ноге вожжи, лёг на спину и стал смотреть в небо. Его покачивало на возу. Казалось, что вся земля смещается и он не на возу, а в спутнике летит мимо солнца. Вовка достал треугольный камешек, полюбовался им.

«Завтра с утра пойду искать клады, — решил он. — Ребят позову... Нет, одну Сашку возьму. С ней будем искать. А это украшение пусть она носит».

Вовке было так хорошо на возу, хорошо думать, и он потихоньку заснул, не заметил и сам, как думы его стали сразу сниться ему. И только самый красивый сон разошёлся, как кто-то дёрнул его за ногу и поволок по сему.

Мигом Вовка схватился за верёвку. Тут же и тётка Наталия закричала, останавливая Буланку. Посмотрел Вовка, а Буланка выпряжена из оглобел. Воз остался, а она пошла было легко вперёд, вожжами потянула лишь его с воза.

— Приехали. Слава тебе, — сказала тётка Наталия. — Ну и работники мы с тобой. — Она засмеялась. — К вожжам-то кто себя привязывает, возчик? Их под верёвку подтыкают, когда подремать надумается.

— Я не дремал, — сказал Вовка. — Я думал.

— Распряглась. Моя тут вина, — сказала тётка Наталия и принялась снова впрягать Буланку. — Кто внизу находится, тот и за упряжкой смотрит, а я размечталась себе...

— О чём, тёт? — спросил Вовка.

— Жизни радовалась, тому, что люди помогают друг другу. Я когда осталась с малыми ребятами без отца, думала — погибну. А люди добрые, как вот и ты, во всём помогали. Ничего со мной не стало. Выкарабкались.

— Тёт, а где ваш отец? — спросил Вовка.

— В больнице остался. С войны осколков в себе принёс. Тревожить они его стали, на операцию лёг, да не перенёс операцию-то, сердце не вынесло болей.

Вовке стало грустно. Тётка Наталия, как он стал помнить, всегда весёлая была, а у них отца не было. А теперь она тоже одна: Митька её и Валька на механизаторов ушли учиться.

— Тёт, а ты не счастливая? — спросил Вовка.

Тётка Наталия запрягала Буланку и улыбалась. Она не расслышала Вовкины слова.

— Покатили дальше. С горем пополам доберёмся — и тому радоваться стоит. У магазина остановимся — рубаху тебе примерим, — сказала она и пошла впереди лошади.

Вовка не стал ложиться. От сена чесалась спина. Он смотрел на тётку Наталию и думал, что она красивая, как и его мать, и такая весёлая. Кто-то ему говорил, что весёлые люди все красивые.

ОТЦОВСКИЙ ПОМОЩНИК

Повесть

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Зимой Стёпкин отец не жил дома. Он учился в городе на пчеловода. Учился долго. Домой его отпустили только весной, когда началось половодье. От города до своей деревни он добирался пешком, пришёл весь мокрый, устал за дорогу, но был весёлый. Он много-много рассказывал о своём учении, о том, какие люди учили его и с кем пришлось ему учиться. А на второй день к нему приехал председатель и долго разговаривал с ним о каких-то делах.

Разговор отца с председателем Стёпка слышал вполуха. Его почему-то заставляли поиграть на улице, когда он отирался в доме, подслушивал разговор. Стёпка догадывался, что они говорят о том, где отец будет работать. Отец собирался уезжать в другой колхоз, а председатель упрасивал его остаться. Председатель просил забыть прежнюю ссору и говорил, что он виноват перед отцом.

В чём был виноват председатель, Стёпка знал. Отец его работал на комбайне много лет. Комбайн изработался, надо было его менять на новый. Но когда колхозу прислали новые комбайны, то отцу сказали, что он и на старом хорошо управляется, поработает на нём ещё лето. Отец отработал лето. У кого были новые машины, стали вдруг передовыми людьми, получили премии, а отец оказался отстающим, вроде лодыря. Тогда он и разругался с механиком и председателем и ушёл учиться на пчеловода.

... Стёпка вышел на улицу. Играть ему совсем не хотелось. Он придумывал себе дела в доме, входил снова и топал из угла в угол, словно что-то искал, пока ему не напоминали опять поиграть на воле.

Два последних слова из разговора Стёпка всё-таки расслышал. «Посмотрим, посмотрим», — сказал отец. После этого председатель уехал, а отец отправился в сад искать вытаявшие из снега колышки под ульи.

...Через три дня отец, придя из правления, сказал:

— Всё. Завтра принимаю пасеку в Иван-Чае. Уговорили.

— По четыре километра в день будешь справлять? В Еленовку-то к нам нельзя перевезти пчёл? — спросила мать.

— Ходьба мне вместо зарядки, — ответил отец. — На пасеке работа тихая, двигаться мало придётся, а тут буду навёрстывать своё.

— А ближе к дому всяко лучше было бы, — сказала мать. — Дорога — беда: надоест её мерять изо дня в день.

Стёпка тоже счёл бедой работу в Иван-Чае. Дома он в любое время находился бы с отцом на пасеке, а туда кто его возьмёт. Отец сам скажет, что мал ещё так далеко ходить, и мать не пустит.

Но получилось всё наоборот. Утром отец разбудил Стёпку.

— Ты, Стёпа, случайно не пойдёшь со мной в Иван-Чай? — сказал он. — Пасеку принимать будем. Работы много, одному не справиться.

Отец не успел договорить, как Стёпка слетел с кровати. Он так спешил, что майку натянул наизнанку, запутался в рукавах рубахи, а потом провозился с брюками, у которых, как нарочно, оказалась наизнанку брючина.

— Одейся? — спросил отец, когда Стёпка появился на кухне. — Быстро ты справился. Ну, а теперь с ходу умываться, завтракать — и пошагали. Прохлаждаться нам с тобой теперь некогда.

Отец повесил через плечо свёрток с чем-то, взял узелок с обедом, захватил инструмент и наказал матери посмотреть за работой своих пчёл.

Мать проводила их за порог.

— Сын, не ходил бы ты. У отца там дел много, беготни — одному тебе на пасеке скучно будет оставаться.

— Нет, не скучно, — ответил Стёпка.

— Не отговаривай, — сказал отец, обернувшись. — Не маленький твой Степан — в первый класс записан.

Отец положил Стёпке на голову руку, не пожалел, а подбодрил его, проведя рукой по волосам, и зашагал, не оглядываясь.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Дорога за деревней свернула влево и через поле потянулась на Иван-Чай. Отец взглянул на солнце — оно поднялось над землёй, — сказал:

— Солнце-то на два дуба поднялось. Долго мы с тобой прособирались. Завтра надо раньше встать.

Стёпка тоже взглянул на солнце. Никаких дубов под солнцем не было.

— Пап, а где ты увидел дубы? Почему я их не вижу?

— Их и не увидишь. Это на глаз расстояние отмеряется от земли до солнца. Два ли, три ли дуба встанет под ним, на столько оно и поднялось, — объяснил отец. — Прибавим шаг, наверстаем упущенное.

— Пап, а там уже работают? — спросил Стёпка.

— На пасеке-то? Никто там не работает. Разве одни пчёлки летают. А пчеловод, поди, спит ещё, — сказал отец.

— Так долго спит! — удивился Стёпка. — Я и то не сплю.

— Ну, ему с тобой не сравниться. Пустой, легковесный человечешко.

— А он кто?

— Приезжий. Иванов. Жил где-то, не ужился — к нам прибился. Пчёл ему доверили, а он их на одну треть голодом поморил. Будем принимать от него ульи, посмотришь, на что они похожи.

— Пап, а куда этот Иванов денется? — спросил Стёпка. — Он непчеловодом умеет работать?

— Такие люди за любое дело берутся. Только потом за ними переделывать всё приходится.

— А он сильный? — спросил Стёпка.

— Иванов-то? Сильный. А в общем — не богатырь, — ответил отец. — Ты не бороться с ним собираешься?

— Ну его! — ответил Стёпка. — Он из пчеловодов сам уйдёт.

Отец рассмеялся:

— Ах, Стёпка, Стёпка, да неужели я драться с ним буду? Ему председатель предложил сдать всё нам — он и сдаст без слов.

С бугра показались высокие деревья. Но надо было пересечь лощину и ещё один бугор. Стёпка знал, что там находится деревня. Зимой он ездил туда на санях, а летом ребята брали его купаться в иван-чаевской речке. Тогда они подходили к пасеке, видели ульи и спавшего под яблоней дядьку. Всё это вспомнилось сейчас Стёпке, а ещё он вспомнил, как они зашли с другой стороны пасеки, Колька Богатырёв побежал зачем-то к улью и сразу пустился назад, растирая бровь и охая. Его ужалила пчела. Он показывал всем ужаленное место с беленьким волдыриком. Скоро у него распух нос, затёк глаз и вся правая сторона стала, как у куклы, неживая.

От таких мыслей Стёпке даже расхотелось идти на пасеку, и он отстал от отца.

— Ты уже уморился? — спросил отец.

— А? Нет, пап. Это я так... Пап, а тебя пчёлы будут жалить?

— За что же меня жалить? Я им вреда не собираюсь делать.

— А меня?

— Тебя тоже не будут, если ты сразу не испугаешься их, — ответил отец. — Пчёлы не любят врагов, трусов и бездельников. Занятых людей они уважают.

*

В лощине желтели цветки мать-и-мачехи. В деревне их все называют куриной слепотой. Стёпка принёс на днях большой пук таких цветов, а мать и в сени с ними не пустила, сказала, что это куриная слепота, что от них насадка не выведет цыплят.

Стёпка убежал от отца, сел на сухую прошлогоднюю траву и увидел эти цветы. Они показались ему грязными, некрасивыми, но, приглядевшись, он заметил пчёл, собиравших с этих цветов мёд.

— Что-то нашёл? — подойдя, спросил отец.

— Пап, тут уже пчёлы, погляди! На куриной слепоте, — сказал Стёпка.

— Во-первых, это не куриная слепота — мать-и-мачеха цветёт. А пчёлам давно пора заниматься медосбором. Теперь их время облетать сады да луга.

— А это чьи пчёлы? — спросил Стёпка.

— Пока не могу тебе сказать. Возможно, колхозные. Но я их ещё не знаю, не представляю, какие они есть.

— Потом ты будешь их узнавать?

— Обязательно. По цвету, по размеру пчеловод узнаёт своих пчёл. Потом он знает, куда они летают за взятком.

— Я тоже буду узнавать своих пчёл, — сказал Стёпка.

Они пошли дальше. По сторонам дороги на полях всходила пшеница. От земли поднималось весеннее тепло. Высоко в небе пролетел самолёт. Стёпка посмотрел на него, сказал:

— Реактивный. Это военный.

— О, ты разбираешься в самолётах! — удивился отец.

— Разбираюсь, — подтвердил Стёпка. — Военные быстрые. А ещё они по два летают... Пап, а почему ты не стал лётчиком?

— Не всем же быть лётчиками, — ответил отец. — Кто-то должен и на земле работать...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Отец не пошёл через село. Он свернул на тропинку и направился к саду за огородами. Стёпка знал, что в этом саду стоит школа, а тропинку протоптали школьники. По ней они ходят утром, если опаздывают на урок или если рано идут. Тропинкой ближе до школы, а когда до урока долго, они лазают по кустам, осенью едят ягоды терновника, костянику и дикие груши, а весной рвут баранчики или вырезают палки играть в чижики; зимой пугают зайцев.

Стёпка вошёл в кусты, словно в большой лес. Листья на ветках только начинали разрастаться и ещё не скрывали небо. Лезла из-под сухой листвы новая трава. Стёпка прошмыгнул через заросли. Взглянув на весь сад, на школу, замер на месте от радости. Сад был очень просторный, какой-то праздничный, словно большой дом с чистым полом, белым потолком и с новыми обоями на стенках. Школа стояла на высоком фундаменте. Стёкла в окнах блестели от солнца, резали глаза.

— Не знаешь, куда идти дальше? — спросил отец.

— Смотрю, — ответил Стёпка полушёпотом. — Красиво тут.

— А день ото дня всё красивее будет. Скоро сад зацветёт!

Стёпка смотрел на школьные окна, старался увидеть учителя. Он думал, что учитель сидит в классе за столом и ждёт учеников. Но в окнах отражались лишь деревья с небом.

— А учитель сейчас не учит никого? — спросил Стёпка.

— Сейчас ещё рано ему учить: ребята не пришли. Он чем-нибудь другим занимается... Да вон он у сарая. Что-то сажает. Клён. — Отец приподнял над головой кепку, крикнул учителю: — Николай Николаевич, наше вам добро!

— Добро на добро, — ответил Николай Николаевич. — Далеко ли так рано?

— На пасеку, — ответил отец. — Заглядывайте на чай.

— Непременно загляну, — ответил учитель и спросил: — А это помощник, выходит, с тобой?
— Помощник. К осени парту ему готовьте. Придёт к вам науки познавать.
— Рады будем принять, — ответил Николай Николаевич. — Хорошим учеником должен быть, когда так рано просыпается. Кажется, Степаном его зовут?
— Степаном, — подтвердил отец.
Они отошли от учителя, направились к пасеке. Стёпка спросил полушёпотом:
— Пап, а он всех знает как зовут?
— Всех, — ответил отец. — Такая его работа: каждого держать на учёте.

Ульев Стёпка сразу не увидал, они стояли на полянке за яблонями. Справа виднелась длинная железная крыша и амбар.

— Пап, там пчелиный дом? — спросил Стёпка, показав на крышу.

— Да, это пчелиный дом. Но называется он омшаником. В него ставят ульи с пчёлами только на зиму. А всё лето он пустой.

Они дошли до амбара. Отец положил на верстак свёрток. На пасеке ещё никого не было.

— Придётся ждать хозяина, — сказал отец. — Пройдусь, посмотрю на ульи. Ты пока здесь побудь.

Отец шёл между ульев, наклонялся, поправлял на летках задвижки, что-то поднимал с земли. Пчёлы вылетели из ульев, закружились над пасекой. Стёпка следил за отцом, ждал, когда его ужалит пчела и отец побежит от них. Он слышал, что пчёлы нападают все, если хоть одна из них ужалит человека.

Отец не убегал от пчёл, не отмахивался. Он ходил по пасеке, как по саду, словно здесь и не было ни одной пчелы. Если пчела подлетала к его лицу, он останавливался, замирал — пчела отлетала прочь.

Стёпка осмотрел верстак. На нём лежали старые планочки. На стене, на вбитых деревянных клиньях висели старые, разломанные рамки. Под верстаком валялась стружка, кто-то настрогал её давным-давно. Он поднял с земли несколько обрезков планочек и сразу же услышал строгий голос:

— Это ещё что такое? Кто разрешил баловаться на пасеке?

Стёпка обернулся. Перед ним стоял дядька в грязных брюках, в большой рубахе, вылезшей сбоку.

— Я кому говорю — вон отсюда!

Он топнул ногами, но Стёпка не испугался. Он сразу догадался, что это пчеловод Иванов. Тот самый Иванов, которого его отец сменил.

— Ну, я что тебе сказал! — снова прикрикнул Иванов.

— А я не боюсь тебя, — ответил Стёпка. — Ты Иванов. ..

— Да, я Иванов, — гордо подтвердил пчеловод.

— Ты не будешь больше Ивановым.

Стёпка хотел сказать, что он не будет больше пчеловодом, но ошибся. Иванов подступил к нему, взял его за плечо, потребовал:

— Что ты сказал? А ну, повтори!

Стёпка не повторил. К ним подошёл отец, заговорил :

— Здравствуй, хозяин. Что шумишь? Пчела не любит шум.

— То шумлю, что я не звал сюда гостей, — ответил Иванов.

— А мы пришли. Работать будем, как тебе известно.

— Что мне известно? Мне ничего не известно.

— Разве тебя не предупредили? — спросил отец. Иванов казался испуганным, лицо его сузилось, глаза и щёки стали маленькими, только нос вытянулся, стал как у птицы, трясогузки. Стёпке подумалось, что он сейчас вспорхнёт и этим носом поклюёт всех пчёл назло им с отцом. И тут же Стёпка понял, что Иванов испугался того, о чём его должны были предупредить.

— Странно, — сказал отец.

— А ты думал, тут тебе сделают сразу всё, если сказали. Наобещают сначала горы, а потом находишься к ним... Это твой пацанёнок?

— Мой, — ответил отец. — У тебя-то есть такие?

— Растут три чертёнка, — сказал Иванов и взглянул на ульи. — В прошлое лето такой вот, — показал он на Стёпку, — собрал ребят и завёл сюда. Улей раскурочили.

— Днём или ночью? — спросил отец.

— В полдень. Я с мужиками у магазина посидел, а он тут распорядился.

— А его искушали пчёлы? — спросил Стёпка.

— Ни одна не тянула бандюгу. Другие пораспухали...

— А как его зовут? — спросил Стёпка.

— Васькой зовут, — ответил Иванов.

— Ему попало?

Иванов махнул рукой, сказал:

— Такого бесполезно лупить.

— Избаловали, — сказал отец.

— Да кто их баловал. Сами норовят натворить то, что никакими законами не писано... Ну, Афанасием тебя, кажется, зовут? Афанасий, о чём меня предупредить должны были? Снимать, чтоли, решили? Или вдвоём оставят? Ты-то курсы, говорили, окончил.

— Отучился, — ответил отец.

— И хочешь сюда?! Да тут всё развалено! Ульи гнилые. Ты посмотри хорошенько глазами. — Иванов шагнул к стене амбара, ударил сапогом по валявшемуся улью. — Смотри, разлетелся. — Он поднял доску от улья, подставил отцу: — Видишь теперь: гнильё одно. И там только видимость, хоть и с пчёлами они. Переборку требует каждый улей... Потом из своего опыта знаю, — без практики ты пасеку не потянешь. Поверь мне — не поволочёшь. Это тебе не стадо коров — пчела...

— Пастухом не ходил, — перебил отец Иванова, — и не взялся бы. Знаю, что не справлюсь. Потому и в пчеловоды пошёл.

— Ну, попробуй, попробуй, — пригрозил Иванов. — Вспомнишь мои слова. А работать-то как настраивали: вместе, тебя старшим или в помощники, скажи?

— Меня старшим, — ответил отец.

— Значит, меня в помощники?

— Нет, — сказал отец. — У меня вот стоит помощник — сын. Я решил, мы с ним без посторонних справимся. Верно, Степан?

— Справимся, — ответил Стёпка, посмотрев гордо на Иванова.

— Чтобы он не водил ребят растаскивать ульи, — сказал отец, — пусть лучше мне помогает. Потом ему эта наука пригодится... Удивляет меня только то, почему тебя не предупредили, что надо сдавать пасеку.

— А если так решили без меня, от них и принимай. Я ничего сдавать тебе не буду. — Иванов повернулся и подался с пасеки.

— Послушай, Иванов, да будь ты мужчиной, — сказал отец. — Я сюда не просился. Раз решили, нужно так сделать. Пойдём вместе в правление — председателю и скажешь всё то, что мне наговорил. На меня-то что злиться? А ты, — обратился отец к сыну, — займись здесь чем-нибудь. Прежде всего выясни, где лишний мусор есть. Вокруг пасеки, всех строений должно быть идеально чисто. Понял меня?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Стёпка подозрительно осмотрел издали кусты, окружающие пасеку. Он слышал, что волков всех постреляли охотники, но подумалось ему сразу о них почему-то. Один, может быть, остался.

За кустами до леса тянется безлюдное поле. Если волк остался, то остался в их лесу. Теперь он злой за всех побитых волков и мстит людям. И затаился он где-нибудь в этих кустах, ждёт, когда взрослые уйдут с пасеки.

На всякий случай Стёпка поискал какое-нибудь оружие. Под верстаком валялся старый топор с разбитым обухом, зазубренный, как будто им рубили камни и железо. Стёпка взял его.

С топором Стёпка обошёл всю пасеку. В кустах была неглубокая, заросшая канава. Через канаву проходили тропки. Такие проходы были и в их еленовском саду. По ним в сад пробиралась скотина и проходили люди. На одной из таких дорожек тут лежала кучка камней. Стёпка решил, что этими камнями Васька с ребятами бросали в ульи, хулиганили. Он отыскал за амбаром старую кошёлку и перенёс камни в яму. В эту же кошёлку Стёпка набил стружки и потащил её к той же яме.

На тропинке в кустах он неожиданно встретился с бабкой. Бабка была сгорблена, опиралась на палку, шла и высматривала что-то. Стёпка остановился, подумал, что на пасеку к нему пожаловала колдунья. Сама колдунья. Это страшнее волка.

Стёпка попятился за кошёлку. И вдруг услышал бабкин голос:

— Миленький, да куда ж ты волочишь топливо-то моё? Голос у неё был, как у всех бабок, старый. И ещё у неё не было зубов, заметил Стёпка.

— Это не топливо, — ответил он бабке. — Это — стружки.

— Мне они на печку и годятся, — сказала бабка. — Мне хороших: то дров не сготовить, стара стала — навозцем, стружечками топлюсь теперь. Так ты себе их несёшь?

— Нет. В яму их надо, — ответил Стёпка. — Они пчёлам мешают. У пчёл должно быть чисто.

— Кто это тебя надоумил этому? — спросила бабка.

— Отец. Я ему тут помогаю.

— Ты от Иванова разве?

— Нет. Я... я от... от самого себя.

— Погоди, так ты из Еленовки пришёл? Никак отца на пчёл поставили?

— Поставили, — ответил Стёпка. — А я его помощник.

— Ну и всё к этому шло. Поделом ему, Иванову-то. Он сколько общего мёду отсюда переволочил. Рамками нёс. Пьянствовал на этот мёд. А твой-то отец на месте тут будет. Я его вот как хорошо знаю. Он когда провозит дрова, всё мне горбылик сбросит. А под зиму окно стеклил. Хлебы я тогда пекла. Жарко натопила. Избу-то и оставила растворённой. Пока хлебу печься, пошла с грядок лук собрать. Назад-то прихожу, а у меня гость-гостище, чёрный котиче. Смотрю — обомлела вся — он курёнка по столу волтузит. Лапшу с курятиной варила. «Ах, шакал, ах, бандюга ты этакий. Да чей же ты такой жаднущий да балованный?» Развернулась я палкой-то по нему — палка-то по тарелке пришлась. Тарелка на мелкие оскрёточки, а кот-обормот сигани в окно — только звон стекла я и услышала.

Стёпка засмеялся, сказал бабке:

— Эх, от меня он не ушёл бы.

— Знамо дело — не ушёл бы, — подтвердила бабка. — Я увещевать его прежде стала — а его сперва-то палкой бы, а потом напутное слово, безобразнику.

— Баб, а ты не колдунья?

— Что ты, миленький, сказал? Певунья я? — спросила бабка, повернувшись к Стёпке ухом. — Умела я песни играть, миленький. Ох, как умела! Давно тоже было. Теперь голос сел. Напев из груди не осиливает выходить. ..

— Нет, баб, я спрашивал, а ты не колдунья?

— О, детка моя, да какая же из меня колдунья? Ты посмотри, похожа ли я на колдунью!

Стёпка побоялся сказать, что похожа, промолчал. А бабка продолжала:

— Ну вот, стекло-то я пробовала вставлять — ничегошеньки у меня не выходит... Отец твой тут-то оказался, отложил мою затею, а на другой день готовую раму мне принёс и минутой вставил.

— Он всё умеет делать, — гордо сказал Стёпка.

— Всё уметь — это самое главное, миленький, богатство, — сказала бабка и палкой ковырнула в кошёлке. — Домой пора. Давно мы с тобой тут балакаем. Собрались старый да малый, а разговоров на полдня развели.

— Баб, а колдуны хорошо живут? — спросил Стёпка.

— Как колдуны теперь живут? По-всякому они живут. Какие пограмотнее да поработящей, те ничего живут, — ответила бабка. — А кое-какие, лодыри да словохоты, на пути-дороге только мешаются.

— Баб, а в вашей деревне колдуны есть?

— Есть, миленький. Не много их, а два-три наберётся. А вот кто такие, это надо поискать. Приглядеться исподтишка. Да ты заходи ко мне, мы с тобой потихоньку и потолкуем.

— Я не знаю, где ты живёшь, — сказал Стёпка.

— О, да меня найти проще простого. За сад выходи, посмотри, где стоит самая старая избёнка, там я и живу. А ещё рядом с моим гнездом ясенюк стоит без суков и пунечка на боку. Тебе и спрашивать не надо будет, где Герасимиha старая живёт. Герасимихой меня по-уличному дразнят, а зовут Катей. Бабка Катя я.

Герасимиha взяла кошёлку, понесла домой. Из-за канавы сказала Стёпке:

— Плетушку-то я обратно принесу. Ты не беспокойся.

— А тут ещё есть стружки, — сказал Стёпка.

— Есть? Ну я и их заберу. Старой бабке каждая соломинка находкой. Зима подкатит длинная, тепла много потребует, — ответила бабка и ушла.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Отец на пасеку не возвращался долго. За омшаником Стёпка обнаружил подвал. На двери висел замок. На насыпи подвала из сухой травы торчала железка. Стёпка раскачал её и вытащил тяжёлый трезубец. С таким трезубцем показывали в кино бога морей... Он обрадовался. Теперь ему никто не будет страшен и никто не войдёт на пасеку.

Стёпка обошёл всю пасеку за кустами, осмотрел бугорки, канавки, обследовал, откуда и куда идут тропинки. А когда вернулся к амбару, то увидел отца с председателем и ещё какими-то людьми. Их было двое. Иванов открывал замки, показывал помещения внутри.

— Это, Афанасий, твой помощник? — спросил председатель.

— Мой. Можете полюбоваться: пока мы уходили, он от амбара мусор весь убрал, подмёл вокруг.

— Видишь, Иванов, — сказал председатель, — сразу на пасеке видится порядок.

— Новая метёлка всегда чисто метёт, — ответил Иванов. — Привыкнут — и у них то же будет. Пока не погнули спину, охота на всё большая бывает. Мы это знаем.

— По себе, разумеется, — заметил Стёпкин отец.

— Ну, а как пчёлы работают? — спросил председатель. — Мёд носят уже?

— Носят, — ответил Стёпка. — Я ходил туда и туда, — показал он за кусты, — они там летают.

— Ну, хороший взятки будет за лето, — премию с отцом получите, — пообещал председатель. — Ты в школу уже ходишь?

— В первый пойду, — ответил Стёпка. — Читать и читать я уже умею.

— Молодец! — похвалил председатель. — Самостоятельно учился, не ленился. Я уверен, что премию ты обязательно заработаешь.

— А какую? — спросил Стёпка.

— Об этом раньше времени не говорят, — ответил председатель, усмехаясь. — Я ещё и сам не придумал, чем тебя наградим!

*

Стёпка и отец пообедали на траве в саду, потом отец подладил верстак, нашёл в омшанике лопату, и они пошли в конец пасеки, готовить ямы под деревья.

К вечеру они посадили во всю ширину пасеки липовую аллею.

— Да, Степан, всё это хорошо, — сказал отец, — а в одном у нас беда: воды поблизости нет. Липы поливать надо,

пчёл поить. Надо было сразу с начальством обговорить. Здесь колодца нет, по-моему. Придётся водовозку просить, в бочке доставлять воду от речки. Иванов, видимо, без воды обходился.

— А пчёлы воду тоже пьют? — удивился Стёпка.

— Пчёлы без воды не могут, — ответил отец. — Они, конечно, добудут воду: росу соберут, на речку слетают, но это же далеко. Зачем им тратить силы на воду, когда её можно подвезти?

— А кто её будет привозить? — спросил Стёпка.

— Лошадь попросим.

— А на лошади кто будет ездить? — допытывался Стёпка.

— Мне придётся, — ответил отец. — Правда, время лишнее отнимет. Но что поделаешь?

— А я видал, как дяденька из колонки шлангом наливал воду. Сам на бочке сидит верхом, а вода наливается!

— Та вода нам не годится, — ответил отец. —

В неё хлорку насыпают. А деревьям и пчёлам нужна чистая водица: речная или колодезная. Колодец здесь родниковый, из горы бьёт родник. В такой воде всего много, вкуснее не найдёшь.

За садом на дороге зашумела машина. К амбару подошёл председатель. Он окинул взглядом пасеку, спросил:

— Афанасий, как настроение? Не заскучал тут в одиночестве?

— Я не одинок, — ответил отец. — Со мной сын. И некогда скучать, Сергей Фёдорович. Мы со Степаном больше двадцати липок пересадили. И... просьба у нас одна будет. .. Как быть с водой?

Председатель взглянул на аллею, посмотрел на отца, на Стёпку, хрустнул пальцами, сказал:

— Молодцы! А с водой просто решим. Вам не много воды надо?

— Пока бочки две, — ответил отец. — Жарко станет, больше пойдёт.

— С цистерной машина будет заезжать, отливать вам воду, — сказал Сергей Фёдорович.

— Нам бы, Сергей Фёдорович, своим транспортом обзавестись. Лошадёнку с водовозкой... Понимаете, в чём дело...

— Пчёлам чистая вода нужна, — вставил Стёпка.

— Понимаю, — ответил Сергей Фёдорович. — С водовозкой у нас сложнее. Такой век настал: машины,

трактора. Под водовозку дроги нужны, сбруя. — Председатель задумался, словно припоминал, где ему попадались дроги, где взять сбрую. — Железная бочка тоже не очень желательна вам? — спросил он.

— Если деревянной нет..

— Разумеется, нет. Но будем искать... Найдём... Завтра! Согласны?

Стёпкин отец кивнул в ответ на вопрос Сергея Фёдоровича, а Стёпка сказал, легко вздохнув:

— Согласны. Завтра через ночь будет.

— И ещё вопрос, Сергей Фёдорович, — сказал отец. — Сторожа на ночь дадите?

— Сторожа?! — удивился председатель. — Ты считаешь, что нужен сторож?

— Не мешало бы, — ответил отец. — Я не считаю Иванова плохим человеком, но от обиды он может покопаться в ульях.

— Хорошо, — ответил председатель. — Садись в машину, заедем к бабке Герасимихе. Она тут рядом живёт — хорошим сторожем будет.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Уснул Стёпка вечером поздно. Перед ужином ему ещё пришлось искать по деревне Витьку. Витька учился в пятом классе, ходил в школу за четыре километра, в Ивантеевку.

Он ушёл с утра и не появлялся дома. Как наступила весна, он целыми днями пропадал с ребятами.

Найти его мог только Стёпка. Он знал, что Витька прямо из школы отправлялся на поля выпрашивать у трактористов трактора, пахать за них.

Стёпка сходил на поле, где готовили пашню под картошку, нашёл там брата. Он сидел в кабине гусеничного трактора за рычагами, важно посмотрел на Стёпку и не остановился, объехал ещё круг, потом лишь спросил, что Стёпке от него надо.

— Ужинать пойдём, — сказал Стёпка. — Я за тобой ходить не буду в другой раз — так и знай.

— Стёпка, ещё кружочек дадим, — сказал Витька. — Садись в кабинку, прокачу тебя.

Стёпка не удержался, сел, сам включил свет и начал пахать.

Стёпке поле казалось целым морем, а трактор кораблём. Витька вёл этот корабль по волнам, как самый отважный морской капитан. Он внимательно смотрел вперёд, водил рычаги то на себя, то от себя. Стёпка остался бы с Витькой на всю ночь на тракторе, но их остановил тракторист.

— Домой пора, ребята, — сказал он. — Завтра приходите.

Ночью Стёпке снилось много снов. Он даже вскакивал, шарил руками по стене, ударил несколько раз сонного Витьку ни за что ни про что. А утром отец его не добудился и ушёл на пасеку один.

Разбудила Стёпку бабушка. Весной, когда в колхозе было много работы и все уходили из дома, она появлялась у них утром, кормила Стёпку, прибирала всё в доме и уходила. Но Стёпке показалось, что он сам проснулся от какого-то испуга.

В доме было чисто и светло. Бабушка стояла у кровати, улыбалась, глядя на Стёпку.

— Проснулся, внучек мой! А мне так жалко было тебя будить, да уж пора вставать. Завтрак заждался тебя на столе.

— А где папка? — спросил Стёпка.

— Да на работе папка. Все на работе.

Стёпка соскочил с кровати. Он был готов заплакать. Одевшись, выбежал в сени. Бабушка закричала ему что-то вслед, но Стёпка не ответил ей, выскочил на улицу и пустился по дороге на Иван-Чай.

... У крайнего дома сидел Генка-инвалид, читал книжки. Он сам учился дома, не в школе, но был грамотнее Витьки и на целый класс впереди. Генка давно болел и от болезни не мог вставать на ноги.

— Стёпка, ты куда бежишь? — спросил Генка.

— К отцу. В Иван-Чай, — ответил Стёпка. — Мы пчеловодами с ним.

— Стёп, подожди.

Если бы его позвал кто-нибудь другой, Стёпка не остановился бы, некогда ему было разговаривать сейчас, но к Генке он подошёл. Генке было скучно сидеть одному. Ребята большие не играли с ним.

— Стёп, расскажи, как там на пасеке? Пчёлы тебя не кусают? — спросил Генка.

— Вчера не кусали. Иванов теперь не будет пчеловодом. Мне премию председатель даст. И липок мы с отцом насажали. И водовозку нам дадут с лошадьёю. Пчёлы только из родника воду любят.

Стёпка в минуту выпалил всё, спеша убежать, Генке хотелось поговорить подольше. Он спросил:

— А Витька тоже был на пасеке?

— Витька в школу ходил, а после пахал на тракторе. И меня прокатил.

— Хорошо тебе, — позавидовал Генка. — Стёп, мне коляску дядя Федя скоро пришлёт из Москвы, самокатку. Ты возьмишь потом меня на пасеку?

— Я у отца спрошу, — ответил Стёпка. — Мой отец знаешь какой добрый... — Стёпка задумался, вспоминая пример отцовской доброты. — Он, знаешь, бабке в Иван-Чае раму застеклённую дал. У неё кот приبلудный повыбивал стёкла... Ген, а там колдуны есть. Бабка мне говорила. Только она не знает кто.

Генка улыбнулся.

— Ты не верь в колдунов. Никаких колдунов не бывает. Вечером приходи ко мне — я тебе книжку почитаю.

— В ней про колдунов написано? — спросил Стёпка.

— Написано, — ответил Генка. — Придётся?

*

На пасеке у амбара стояла лошадь, впряжённая в дроги, ела овёс. Отца вблизи не было. Стёпка посмотрел на амбар. На двери висел замок. Он направился за омшаник к подвалу и увидел торчавшие из-под амбара ноги.

— Пап, — окликнул Стёпка.

— О-о! — отозвался отец. — Кто там? .. Подожди, сейчас выберусь.

«Чего он там делает?» — подумал Стёпка и решил, что, наверное, мыши прогрызли пол — он заколачивает дырки. Они мёд любят больше всего, от них не спасёшься.

Скоро отец выбрался из-под амбара.

— Степан, это ты появился тут?! — удивился он. — Ты с кем пришёл?

— Я один пришёл, — ответил Стёпка. — Ты меня не взял...

— Я тебя не добудился, — ответил отец. — Не раскатыть тебя было. Здесь у меня яйцо есть, хлеб.

Позавтракай и поедем за досками и рейками для рамок.

— Пап, а бочку нам не дали? — спросил Стёпка..

— За бочкой поехали на машине к бондарю.

— Куда?"

— Ты знаешь, кто такие бондари?

— Знаю, — ответил Стёпка, очищая яйцо. — Это на барабане какие играют.

— Молодец ты у меня! — похвалил Стёпку отец. — Всё-то ты знаешь. Только на барабане барабанщик играет.

А бондарь, Степан Афанасьевич, это такой человек, который делает бочки, кадушки, дежи. Раньше их много было, почти в каждой деревне имелся свой бондарь, а в иных и несколько, а то вся деревня тем только и занималась, что кадушки делали. Те, конечно, торговлю вели кадушками, на базары, на ярмарки их вывозили продавать.

— А где же нам бочку возьмут? — спросил Стёпка, допивая молоко.

— Есть в одном местечке мастер. Сделают ему заказ и на кадки под мёд, и под воду, и на другие нужды. Мёд тоже надо в кадках хранить. А кадки-то должны быть не простые — липовые.

— Липовые! — удивился Стёпка.

— Да, липовые. Такое дерево — липа. Из неё и кадки, с неё и лыко, и мочалка для бани, и мёд, и лекарство от простуды, и ложки вырезаются, игрушки различные. Золотое дерево — липа.

Они вышли из амбара, повесили на дверь замок, развернули лошадь и, усевшись на дроги, поехали за досками к пилораме.

*

Три раза ездил Стёпка с отцом к пилораме. Они привезли досок на ульи, реек на рамки, горбылей и шифера для навеса. Когда нагрузили третий раз дроги, отец подошёл снова к штабелю брёвен, стал смотреть на сосновые кряжи. Дядька с пилорамы махнул ему рукой, прокричал:

— Афанасий, уезжай и больше чтобы всё лето не показывался. Мы не собираемся на одного тебя работать.

— Егор Иванович, не шуми, — ответил отец. — Заметь два кряжика, распустишь для меня. Потом долго не появлюсь.

— Иванов сколько проработал, ни разу не заглянул к нам. А у тебя и лошадь разом появилась, и доску, и рейку тебе выкладывай!

Дядька мазнул краской по сосновым комлям, сказал:

— Смотри, какой ещё подойдёт, пока я добрый. Скажи по-честному, на какие нужды употребишь?

— Надо было бы, Егор Иванович, павильончик соорудить. Придётся, чаем вас где угостить? А тут будет павильончик. Сидите за столом, попиваете чай с медком, любуетесь пасекой. И не жарко вам, и не холодно...

— Ах, чего ты захотел, — ответил дядька. — А вообще-то дело задумал. Хозяйствовать, так во всю силу, чтобы и дело ладилось, и красиво было.

... Доски сложили у амбара, рейки перенесли в амбар. Лошадь выпрягли и снова дали ей овса. Отец сразу же принялся делать над досками навес.

— Плотничать будем под ним, — сказал он, — чтобы в дождь не мокнуть, в жаркую погоду не жариться на солнце. Прятаться в закрытое помещение пчеловоду не положено. Он всегда должен быть на воздухе, чтобы видеть каждый улей, следить за работой пчёл.

— Ты всё сам будешь строить? — спросил Стёпка.

— Придётся самому. Плотники заняты на других работах. Ты сейчас разведай, где нам взять камней утрамбовать столбы. Тут ниже нашего сада когда-то кузница стояла. Сходи туда.

Стёпка направился к густым зарослям прошлогоднего сухого бурьяна, где лежало огромное каменное колесо, валялись железки от плугов, от борон и телег и было много камней от фундамента кузницы.

Стёпка начал рыться в железках, как вдруг к нему откуда-то подбежали мальчишки. Все они были лохматые, грязные, в резиновых сапогах, вооружённые палками и подпоясанные, словно ремнями, ракивовыми лыками.

— Ты чей, а? — спросил один из них, вооружённый больше всех, белоголовый.

— Я из Еленовки, — ответил Стёпка. — С отцом пришёл. Мой отец пчеловод.

— Ах, вот ты кто! — воскликнул белоголовый. — Ну, берегись!

Стёпка приготовился драться, но в это время в школе прозвенел звонок и на улицу с криками выбежали ребята. Двое припустили прямо к кузнице.

— Мишка, Колька! — крикнул Стёпка. — Эй! Ребята остановились, увидели Стёпку и направились к нему.

Белоголовый вместе с друзьями отступил.

— Стёпка, ты чего тут? — спросил Мишка Козлов.

— За камнями пришёл. На пасеку камни нужны. Отец навес будет делать, — ответил Стёпка.

— А эти что, — показал Мишка на иван-чаевских ребят, — напали на тебя?

Стёпка не успел ответить, как ватага подхватила, кинулась наутёк.

— Держи их! — крикнул Колька Степанов. — Сейчас штаны спущу.

— Стёпка, какие камни вам нужны? — спросили ребята. — Давай, мы снесём? У нас большая перемена.

Мишка нашёл железку, принялся выворачивать из старого фундамента кузницы камни. Колька прикатил двухколёсную тачку. К ним прибежали ещё трое ребят.

— Два раза успеем, — сказал Мишка. — Если опоздаем чуть-чуть, Николай Николаевич не будет ругаться. Он за работу никогда не ругает. Наваливайся дружнее!

Стёпкин отец удивился, когда ребята подвезли на тачке камни.

— Откуда вы взялись, ребятки?!

— Мы с большой перемены, — ответил Мишка. — Увидели Стёпку, помогаем ему.

— Мы ещё раз поедem, — сказал Колька.

— Ну-ну, — одобрил отец. — Здорово нас выручите. Мёд качать будем — угостим вас!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Работал Стёпка вместе с отцом много. Они вкопали столбы для навеса, потом он подавал отцу наверх доски, рейки, гвозди и помогал прибивать шифер. Потом они перенесли под навес верстак. А Стёпка, когда не требовалась помощь отцу, в амбаре сортировал рамки. Иванов свалил их все в одну кучу. Стёпка развешивал по стенам на длинные деревянные клинья узкие рамки от магазинных надставок — к узким, широкие, от ульев-гнезд — к широким, ломаные откладывал на ремонт...

А потом привезли бочку для воды. Бочка была большая, липовая. Стёпка подбежал к ней, просунул голову в квадратное отверстие и прокричал:

— Э-эй, ба-бах!

Под навесом сидела бабка Герасимиha, сторожила пасеку. Она вздрогнула от Стёпкиного крика.

— Ты чего кричишь? — сказала бабка. — Пчёл напугаешь.

В бочке отдавалось эхо и после него долго слышался звон. Бабка подошла к дрогам, стукнула по бочке палкой.

— Вчера вечером привезли. Огни зажигались — машина подкатила. Я думала, брать что хотят, а они с товаром.

— Баб, а ты всю ночь тут сидела? — спросил Стёпка.

— Тут сидела. И сидела, и ходила округ. Отойти нельзя. Вечером ребятня, слышу, крадутся мимо. Покричала — шумнули по кустам прочь.

— А ночью тут страшно? — Стёпка слез с бочки.

— От чего ж тут будет страшно? Что днём, то и ночью, — сказала она. — Кому я тут понадоблюсь? Сторож никого не должен бояться — его все стороной обходят.

Отец тоже внимательно осмотрел бочку, постучал по ней пальцами, одобрил работу:

— Добротно сколочена, на совесть.

*

Бочка была крепкая. Лишь вначале слегка просочилась вода, но потом лотки забухли, затянулись швы. Стёпка поливал из новой бочки липки. Он смотрел на каждую, смотрел, принялась или нет. На всех сучках раскрылись почки, зеленели веточки. Стёпка не жалел воды, наливал так, что стояла под каждой липкой лужица. Вода была родниковая, светлая, лить её под деревья было радостно.

Пчёлы вдруг стали подлетать к липкам, ползать по сырой земле. Стёпка сбегал к отцу, сказал ему об этом.

— Всё в порядке, Степан, — сказал отец. — Пчёлы воду берут. Надо мне торопиться с поилкой. Вот готовлю для этого доски. — Отец посмотрел на солнце, сказал: — Ещё похолодание может быть, воду подогревать придётся, а у нас ни печки, ни керосинки.

— Пчёлам — гретую воду?! — удивился Стёпка. — А как же они из ручья пьют? Я видал, пап.

— Пьют из ручья. Но тогда их много погибает от холодной воды.

— А зачем им пить весной?

— Они не пьют, а носят воду в ульи и разводят засахарившийся мёд, чтобы детку кормить. А ты скоро закончишь поливку?

Стёпка побежал обратно, за ведром, которое оставил на бочке. Подошёл, взглянул, а ведра нет. Он с удивлением посмотрел вокруг. Никого не было видно. И вдруг в отдалении, в кустах, что-то звякнуло. Стёпка по тропинке пустился за кусты, выбежал на старую дорогу к полю, посмотрел в разные стороны. И вдруг прямо на него из кустов выбрались те трое мальчишек из Иван-Чая. Они не видали его.

— Пускай поищет теперь своё ведро, — сказал белоголовый.

Стёпка узнал прежнего заводилу, разозлился и, не раздумывая, бросился навстречу.

— Я вам сейчас! — крикнул он и ударил белоголового.

Двое бросились бежать, не оглядываясь, только стебли прошлогоднего бурьяна с треском ломались от их ног. Белоголовый остановился, готовый драться, но тут раздался голос Стёпкиного отца.

— Степан, ты где?

Ведро вдруг отлетело в сторону. Мальчишка метнулся к кустам, упал и, вскочив мгновенно, словно он попал на что-то горячее, пустился в сторону речки. Стёпка погнался за ним, но скоро остановился — не захотелось зря бежать,

потому что драться он не любил и некогда было бегать, играть в догонялки. Он вернулся назад.

— Ты куда бегал? — спросил отец. — Там вроде кто-то ещё был?

— Ребята, — ответил Стёпка. — Они ведро унесли. И вчера на меня напали... Одному я дал хорошенько. А ещё с ним были — испугались, стрекача показали.

— Дрался-то ты напрасно, — сказал отец. — Надо было без драки обойтись. Теперь у вас может вражда начаться. Они здешние, будут устраивать на тебя нападения.

— Я нашим ребятам скажу — они им дадут как надо.

— Ещё ты ребят будешь ввязывать в это дело! Они потом своим скажут, потом наши ребята отцов приведут, а те своих отцов. Так и разгорится война между нашими деревнями...

*

В этот же день Стёпка встретился с белоговым ещё раз. Стёпка выходил из магазина, когда перед ним появился белоголовый с приятелями.

— Ага, попался! — пригрозил он и поднял камень. — Теперь ты на свою пасеку не дойдёшь.

Стёпка остановился у двери магазина, переложил кулёк с сахаром в левую руку, сказал:

— А за камень тебе попадёт как надо!

— Опять отца позовёшь?

— Это он меня звал, — сказал Стёпка. — Ты от страха не помнишь даже!

— А, ты не боишься? Не боишься, да? — Заводила замахнулся камнем, но не бросил его. Стёпка сошёл, с порога и направился на противника.

— Лучше не подходи, — предупредил заводила.

— А ты отойди с дороги, — ответил Стёпка. — Я с тобой совсем не собираюсь драться.

— Да, не собираешься? А за садом кто первый полез?

— Вы полезли. Вы моё ведро взяли, — сказал Стёпка.

— Мы нарочно взяли ведро твоё, — ответил заводила и спросил у дружков: — Правда, я говорил, что спрячем в шутку?

— Правда, — в один голос ответили дружки. Стёпка подошёл к ним, сказал:

— Я тоже понарошке размахнулся.

— Ударил изо всей силы, а теперь понарошке? — сказал белоголовый.

— Изо всей силы я знаешь как ударяю? — Стёпка взглянул на дружков. Они отступили.

Из магазина вышла бабка Герасимиha и, увидев Стёпку, запричитала:

— Стёпушка, родимый мой, ты уж в обратный путь не уходи. Я всем нагрузилась — одна не справлюсь. — Она вдруг заметила воинственно стоявшего белоголового, спросила: — А ты, скоморошный, что это перед ним грудь топыришь? Ай драку тут учиняешь? Я вот тебе. .

Белоголовый бросил камень.

— Мы не дерёмся. Чего кричишь на нас?

— Знаю тебя, скоморошного. День-деньской по деревне гоняешь. Ни зверю, ни птице проходу от тебя, — шумела Герасимиha. — Учись вот: мальчонка и отцу помогает, и бабке старой услугу оказал.

— Сказала бы, какую тебе услугу. Мы тоже оказали бы, — ответил белоголовый.

— Дозовёшься вас, как же! — возразила бабка. — А оказал бы — оказывай вот. Бери баклажку да получай керосин.

Мальчишки подбежали к бабке, схватились за сетку с глиняной баклажкой. Втроём нести её было нельзя. Бабка распорядилась:

— Все-то разом не несите. Двое понесут — один сменится, потом другой отдохнёт.

На обратном пути от магазина Стёпка познакомился с мальчишками, узнал их имена и фамилии. Заводилу звали Васькой, и был он сыном Иванова.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Васька Скомороха, как прозвали его в Иван-Чае, пришёл с дружками к пасеке с утра. Они стали насвистывать за амбаром, вызывали Стёпку.

— Степан, у тебя, кажется, друзья объявились? — спросил отец.

Стёпка вышел к ребятам и долго уговаривал их подойти к отцу. Наконец Васька согласился.

— Здравствуй, молодой человек! — сказал Стёпкин отец.

— Бу-бу, — ответил Васька, не глядя.

— А где же друзья? Что они не подходят?

— Бу-бу-бу.

— Боятся? — Догадался пчеловод. — Меня или пчёл?

— Бу-бу. Бу-бу.

— Я смотрю, ты очень разговорчивый, — сказал пчеловод. — Так вы хотите взять с собой Степана?

— Хотим, — ответил Васька. — Мы ему речку покажем.

— Покажите. Только у него работа есть.

— Ну-у! — протянул Васька таким тоном, словно Стёпку приговорили на вечную каторгу. — Ждать долго его.

— А вы не ждите. Он справится и придёт к вам сам. А вы в это время тоже что-нибудь поделайте, — сказал пчеловод.

— Нам нечего делать. У нас всё сделано, — ответил Васька.

— Не может быть. Говоришь, всё, а навоз вокруг дома соскребли граблями?

— А мы его никогда не соскребаем. — Васька перестал «бубукать», обвыкся, показывал мудрость в разговоре. — Его соскребёшь, а он опять нанавозится.

— Значит, опять надо соскрести, — сказал пчеловод. — А то дом под навозом скроется, потом и вся деревня.

— Пускай, — ответил Васька. — А мы в другую деревню уедем.

— А вас возьмут да не пустят в другую-то деревню, как узнают, что вы такие навозники.

Васька подумал немного и сказал:

— Ну, тогда мы пойдём соскребать навоз. Только пускай к нам он приходит.

— Степан к вам придёт. Отремонтировать тридцать рамок недолго. Ему только гвоздиками прибивать отпавшие планочки. Но после обеда у него опять будет работа.

— А какая? — спросил Васька.

— За водой поедет, потом липы польёт. Старые ульи надо будет чистить, — ответил Стёпкин отец. — У нас с ним работы с гору.

— А мы не чистили ульи, — признался Васька. — Мы только за мёдом к отцу ходили. . А нам за водой можно будет с вами ездить?

— Можно. Только я сначала посмотрю, чисто ли будет у вашего дома. Всё, за работу! Бери, Степан, гвоздики, молоток — и за дело.

*

У дома Ивановых кипела работа. Ещё издали Стёпка услышал громкий крик. Это командовал сам Иванов-отец. От дома через дорогу одна за другой прокатились тачки с навозом.

Васька, увидев Стёпку, бросил тачку, побежал к отцу.

— Папка, за мной пришли, — крикнул он. — Мы уходим. Из-за угла дома показался Васькин отец. Он был с вилами, в майке, закричал:

— Ты это куда навострился? А ну, вези назад тачку! Я тебя не заставлял чистоту наводить — сам взялся, а теперь в кусты?

Васька посмотрел с сожалением на Стёпку, сказал:

— Не пускает. Ладно, ты иди куда-нибудь, мы потом придём.

— А вы всё сделаете до вечера? — спросил Стёпка.

— До вечера нет, — ответил Васька и почесал затылок. — Завтра, наверное, свозим.

— А у вас там огород, куда вы навоз свозите? — показал Стёпка за дорогу.

— Нет, там ров. Мы в ров сваливаем.

— А огорода у вас нету? — спросил Стёпка. — Мы весь навоз на огород возим. У нас картошка сильная-сильная бывает.

— Огород на горе, возить туда трудно, — ответил Васька.

Иванов-отец снова выглянул из-за угла дома, спросил:

— Ты всё стоишь? Что это у тебя за разговоры, я спрашиваю? Бегом за тачкой. Поднял меня, работой теперь!

— Разозлился, — вздохнул Васька. — Мы сказали ему, что нас не будут пускать в новые деревни, — он от злости подскочил вот на столько!

... Васька появился на пасеке только под вечер. Он был весь вымазан в навозе.

Стёпкин отец в удивлении осмотрел его.

— Странно, — сказал он, — вроде я тебя где-то видал, а узнать не могу.

— Я утром приходил к вам.

— Не может быть. Утром кто-то другой был.

— Да нет же, я тут был, — доказывал Васька. — Иванов я. Не помните? Ещё навоз заставили нас возить.

— Ах, да-да! Теперь припоминаю. Это ты, выходит, был утром. Но тот ты был чистый, умытый, а теперь посмотрел бы на себя. Зеркало дома есть, посмотришься в него?

— Нету зеркала у нас, — ответил Васька. — Отец шкаф купил, с зеркалом большим-большим, а его баран расколол.

— Да как же он умудрился? Или посмотрелся да рогом задел? — спросил отец.

— Нет. Он из сенец увидал себя в нём, думал, другой баран там. Разбежался — ка-ак жажнул! Сам залетел в шкаф с ногами — и зеркала не стало.

— Степан, — смеясь, позвал отец Стёпку, — принеси там осколок зеркала из амбара. Пусть Василий посмотрится. .. Ах, вот незадачливые вы люди... Ну, а что с бараном стало?

— А его отец прирезал, чтобы он не любовался своей красотой, — ответил Васька и взял у Стёпки осколок зеркала. — У, это от нашего шкафа.

— Мы здесь подобрали, — сказал отец. — Ну, а баранину потом продали и купили на шкаф новое зеркало?

— Не, — ответил Васька. — Мы съели его. Продавать нельзя было: жара стояла, а базара не было. — Васька посмотрелся в зеркало и сказал: — Я грязнее ещё бываю.

— Таким и за стол садись? — спросил отец.

— Таким, — ответил Васька.

— И спать ложишься тоже таким?

— Тоже таким, — невесело признался он.

— С этого вечера ты будешь и за стол садиться, и в постель отправляться только умытым, — сказал отец. — Сейчас с нами вымоешься, а потом сам будешь это делать, на речке.

— Ладно, — согласился Васька. — Только я без мыла буду умываться.

— Это почему же?

— А мы всё мыло на пузыри потратили. Мать теперь запирает от нас его.

— В таком случае надо своё мыло добывать. Пойти в поле, нарвать мыльной травы и мыться травкой. Ты знаешь такую траву? — спросил отец.

— Я знаю, — похвалился Стёпка.

— И я знаю. Это собачье мыло, — сказал Васька.

— Значит, всё в порядке. А сейчас к бочке, поливать друг другу!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

От густой листвы кусты вокруг пасеки стали непроглядными. И когда поднимался ветер, на пасеке было тихо. Отец на бумаге расчертил календарь погоды и научил Стёпку записывать, когда были солнечные и тихие дни, когда с ветром, с дождём, а на другом календаре отмечал наблюдения за пчёлами; и ещё был календарь, на котором Стёпка записывал названия трав и деревьев и дни их зацветания.

Ходить на игры к Ваське ему совершенно стало некогда. Он несколько раз в день смотрел на градусник, подливал в поилку воды, рисовал в клетках календаря погоды солнце, облака, тучи, ветер, ходил по канавам, собирал для дымарей ракушечные гнилушки. В жаркие дни он бегал к речке, окунался в воду и возвращался на пасеку.

Всех Стёпкиных обязанностей никто не смог бы пересчитать. И Ваське это перестало нравиться. Стёпкин отец каждый день находил сыну работу, и Васька перестал ходить на пасеку.

*

Однажды, когда Стёпка вернулся с пасеки, мать ему сказала, что его спрашивала Генкина сестра.

— Три раза прибежала за тобой, — сообщила мать. — Что-то важное, видать, произошло у них.

— А зачем я им, не сказала? — спросил Стёпка.

— В том-то и дело — умолчала. Говорит, тайна, — ответила мать и разрешила ему сбежать к Генке.

Новость у Генки была большая. Ему дядя привёз коляску, которая катается от ручных рычагов. Генка разъезжал по дому, учился управлять коляской, давать задний ход, трогать с места.

— Стёпка, смотри, какая теперь у меня машина, — похвалился Генка. — Теперь я сам буду в школу ездить. И на пасеку с тобой поеду.

Генкина мать пригласила Стёпку к столу, принялась угощать его московскими гостинцами.

— Тебя, Стёпушка, и не видно стало совсем что-то? — спросила она. — Не на работу ли ходишь куда?

— Он с отцом на пасеке, — ответил за Стёпку Генка. — Я завтра с ним тоже поеду.

— Молодец какой, — похвалила Генкина мать Стёпку и спросила: — И деньги тебе за работу платят?

— Нет, — ответил Стёпка. — Я отцу помогаю сам. Меня не посылали. И не нужны мне деньги: я ещё маленький. Премию, председатель говорил, даст. Только не сказал какую.

— Стёпка, проси у него знаешь что, — сказал Генка, — проси гармошку.

— Нет, он сам даст. Когда только? — сказал Стёпка.

*

Генку провожали на пасеку, как на край света: ему стоговили большой мешок еды, куда положили разной колбасы, привезённой дядей из Москвы, печенья, конфет, булочек, сухарей и сушек.

А Генка беспокоился лишь о Стёпке. Он призвал его к себе и прошептал:

— Стёпка, мы за деревню выедем — рядом сядем. Ты одной педалью будешь двигать, я другой. Мы поместимся. Ты только не обижайся. Я тебя посадил бы и сам повёз, только у меня ноги плохие...

— Не, Ген, у тебя хорошие ноги, — отвечал Стёпка, — прямые. А ехать я нисколечко не хочу и сам тебя повезу на гору...

— Вези, — положился Генка на Стёпку, откинулся на спинку коляски и стал смотреть на поля.

Пока добирались до пасеки, Генка всё время смотрел по сторонам, спрашивал у Стёпки, какие деревни виднелись с дороги, что за кусты темнели в отдалении, какие лесочки показывались из оврагов, и спрашивал, бывал ли там Стёпка.

— Эх, ты! — укорял Генка. — Я всё давно обегал бы. Сидишь, как безногий.

— Да, я маленький был всё время, — отвечал Стёпка. — Кто меня далеко отпускать станет?

— А когда отец или мать куда ходили — и ты с ними бы.

— Да, они не брали, — ответил Стёпка. — Когда на лошади папка ездил — брал. Знаешь, как далеко мы с ним ездили?

— Зря спорите, ребята, — вмешался в разговор отец, — можно весь свет объехать и ничего не увидеть, а можно столько увидеть, узнать — не отходя от своей деревни.

— Да, в нашей деревне ничего не увидишь, — сказал Стёпка. — В ней ничего нет.

— Гена, ты тоже так считаешь? — спросил отец. Генка остановил коляску, посмотрел на Стёпкиного отца и не совсем уверенно ответил:

— Нет, я не считаю так. Чего-нибудь можно увидеть. ...

— Верно. Ну, а что, к примеру?

— Звёзды, — робко ответил Генка.

Стёпкин отец молча кивнул, поддержал Генку.

— Месяц, — добавил Генка.

— А ещё? Смелее только отвечай.

— А ещё, как деревья распускаются и сады расцветают, и трава растёт, и осень можно увидеть, и зиму. А, звёзды я видал днём.

— Звёзды и я видал, — вставил Стёпка. — Только не днём. Днём они не бывают.

— А вот бывают, — заспорил Генка. — Я сам видал. Когда у нас солому с погребка скинуло ветром, я через щель видал звёзды.

— Правильно, — поддержал Генку Стёпкин отец. — Из тёмного места звёзды можно видеть и днём. Так-то, Степан. А вы знаете, какие птицы живут в нашей деревне? — спросил он. — Птицы, звери, насекомые — сколько их? Вот о чём спорить вам надо.

Из-за споров на пасеку пришли позже обычного. Бабка Герасимиha встретила их с радостью.

— Ох, а я тут затужила. Нет вас и нет. Солнце за крышу амбара поднялось. Думаю, не беда ли там какая.

— Стёп, кто это? — спросил Генка.

— Сторожиха, бабка Катя. — Стёпка наклонился ближе, прошептал: — Она хорошая. А у них в деревне есть колдуньи. Да!

— Кто тебе сказал? — спросил Генка с недоверием.

— Она сама сказала. Я думал, она колдунья. А она певунья. Ген, а раз она не колдунья, то как она не боится ночью колдунов?

— Это надо проследить, — засмеялся Генка. Стёпкин отец уже налаживал работу. Он вывесил из амбара на солнце сетки, выставил дымари.

Бабка Герасимиha ушла с пасеки. Она нырнула в листву

кустов и мгновенно бесшумно исчезла. Генка лишь на миг отвернулся, как её не стало. Он удивился:

— А где же бабка?!

— Домой ушла, — ответил Стёпка.

— Так быстро?! Как сквозь землю провалилась.

— А у неё тапочки на мягких подошвах. Это чтобы пчёл не пугать ночью. У отца тоже такие.

— Степан, — сказал отец, — клади Генке на колени фанерку, поднеси ему дымари, гнилушки, подавай спички, пусть разводит их, дымит...

За кустами остановилась машина, и на пасеку вышел председатель. Он поздоровался с мальчишками, пожал руку Стёпкиному отцу и сказал:

— Такие дела, Афанасий. Иванов помогать вам отказался. Я вчера ещё подумал, что не пойдёт он в помощники. Кого теперь искать?

— Может быть, в нашей Еленовке мальчишек собрать? — спросил отец. — Там есть болтающиеся без дела.

— А пожалуй, так и сделаем. Четверых хватит? — спросил председатель. — Прокачу их к стати.

Ребята входили на пасеку с боязнью.

— Пчёлы нас искусают, — сказал Мишка Козлов. — Берегитесь теперь.

— Не бойтесь, — крикнул Стёпка. — Пчёлы вас не тронут. Только умойтесь от пота. Я вам полью.

Отец надел себе и Стёпке сетки, забрал дымари, ножи и направился к ульям. Стёпка следом пошёл с двумя ящиками для переноски рамок. И скоро оживились пчёлы, залетали над пасекой. Стёпка принёс первые рамки, наполненные мёдом, и зашумела медогонка. Гена, закатав штаны, чтобы пчёлы могли жалить его больные ноги, так как он не раз слышал, что это полезно, тоже в сетке, собирал по пасеке для заварки чая красный клевер.

Много раз пронёсся Стёпка от ульев к амбару и возвращался назад с облегчёнными рамками. Мишка разогрел самовар, заварил кипяток клеверными головками. Ребята наполнили два бака мёдом. Пришла бабка Герасимиha с узелком, принесла к чаю печенье. Снова на машине подъехал председатель.

Отец остановил работу. Отмахнувшись дымом от пчёл, он заткнул дымари лопушками, чтобы они загасли, подошёл к амбару.

— Как, Афанасий, взяток? — спросил председатель и вдруг, словно увернувшись от удара боксёра, пригнувшись, нырнул в кусты.

— Ай ужалила, Сергей Фёдорович? — смеясь, спросил Стёпкин отец.

— Жальнула в правую бровь, — ответил из кустов председатель. — Там ещё не летают? Можно выходить?

— А не стоило прятаться. Одна какая-то обиделась на вас, — сказал отец, — сама не зная на что. Выходите, Сергей Фёдорович, не пугайте мальчишек! Всею улью некогда жаленьем заниматься. Старые легенды, что пчёлы набрасываются на человека или на лошадь. Это, наверное, для запугивания выдуманно было, чтобы не каждый лез не в своё дело, не вредил бы пчёлам.

— Работай, Афанасий, а меня не приучай к ним, — отмахнулся председатель. — Я другое занятие предпочитаю.

— Степан мой в первые дни от каждой мухи бегал, — сказал отец. — Теперь может между ульев ходить без сетки!

Когда все уселись чаёвничать, Стёпку позвали. За кустами стоял Васька Скомороха.

— Стёпка, — заговорил он, — подойди. Мне надо тебе сказать про одну вещь.

Васька держал за спиной трёхлитровый бидон. В бидоне лежали мелкие огурчики, колючие ещё, с неопавшими с носиков цветками.

— У деда Прокохи в парнике выросли. Знаешь, ни у кого нету, а у него — смотри какие! Это я тебе... Стёп, а вы мёд качали?

— Зачем мне огурцы? — спросил Стёпка. — Были бы они твои, а то... ворованные. И мёду не получишь. Кто качал — все едят ложками прямо вот из такой миски. — Стёпка показал перед собой руками большой круг.

Васька переступил с ноги на ногу, потянул носом. В воздухе пахло мёдом. Он скорбно скривил мину, спросил:

— А хочешь, я тебе что-нибудь принесу? Это... шариковую ручку?

— Испугался работы, а теперь мёду просишь? — сказал Стёпка.

— Испугался?! Вот я тебя перехвачу на дороге с ребятами, изобью! — пригрозил вдруг Васька.

— Кого перехватишь? — поинтересовался Стёпка и неожиданно рванулся с места, сбил Ваську с ног и стал волтузить, приговаривая:

— Вот тебе, чтобы не грозил...

Васька был ошеломлён. Он не ожидал такого внезапного налёта. Теперь он лишь защищался от Стёпкиных ударов, не сопротивлялся. Вдруг Стёпку кто-то оторвал от Васьки, поставил на ноги. Он обернулся: над ним стоял отец.

— Их ждут чай пить, а они борьбу затеяли, — повысив голос, сказал отец.

— Не дадут они нам, Афанасий, попить чаю! — К ребятам подошёл председатель. — Надо им чем-то заняться.

Стёпка взглянул на Сергея Фёдоровича и не удержался от смеха, фыркнул. У председателя заплыл весь глаз, казалось, что он подмигивает.

Председатель покосился на Стёпку и направился к машине. Васька тоже фыркнул ему вслед.

Сергей Фёдорович вернулся с велосипедом. Он отвёз его к яблоне, прислонил, сел на своё место и принялся за чай. Ребята перестали смеяться.

— «Пионер», — тихо сказал Васька. — У нас такой был. Он сразу сломался.

— А вот и не «Пионер» — «Октябрёнок», — возразил подошедший Мишка. — На нём когда катаешься, коленки выше руля — и ничего.

— Тихо, ребята — сказал председатель. — Колхоз этим велосипедом награждает за отличную работу, добавлю, добровольную работу, Степана. Ну, а теперь, кто смеялся, — без чая останется!

Но ребята уже забыли о чае с мёдом, они разглядывали велосипед.

Васька же, взглянув на Сергея Фёдоровича, заявил:

— Велосипед плохой у Стёпки!

— Чем же он плохой? — спросил Сергей Фёдорович. — О двух колёсах, с педалями, руль настоящий.

— А я свинчу с него гаечки, он раздуется, — пообещал Васька.

— Когда свинтишь? —

спросил Стёпка, выбрался на простор и вытер о штаны руки.

— Завтра... — прошептал Васька, отступил к кустам и метнулся по тропке прочь. Прогремел по кустам бидон. Отбежав, Васька прокричал: — Мёд ваш всё равно плохой. Чтoб у вас зубы от него заболели!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Стёпка возвращался в Еленовку на своём велосипеде. За ним едва поспевал Генка в коляске, потом шли ребята, и завершал шествие отец. Стёпка разгонялся, уезжал, потом возвращался назад и ждал отца. Ему было неловко, что отец идёт пешком, а он катит на велосипеде. Лучше бы председатель купил отцу большой велосипед, тогда отец посадил бы его на багажник — вместе ехали бы. Но потом Стёпка снова катил по летней

дороге, обгонял всех. Ехать на велосипеде ему было так радостно, словно на всей земле был какой-то большой-большой праздник.

*

.. Утром Стёпка заехал на велосипеде к Генке, и они вместе направились лугами на Иван-Чай. Дорога здесь была не накатана. Ехали тихо, осторожно. Луг от деревни был вытравлен телятами. На склонах синели петушки. Дальше, начинаясь от телячьего луга, по правому склону тянулся лес. Верхушки деревьев были освещены солнцем. Стёпка остановился, поджидая Генку.

— Смотри, Ген, лес-то не весь одинаковый. Какие деревья зелёные, какие жёлтые. Отчего это, а?

— Потому что разная порода, — ответил Генка, приостановив коляску. — И трава разного цвета. Надо только внимательно смотреть. Стёп, где начнём цветы рвать?

— Где попадаться будут. Под лесом луг заказанный, скотину туда не гоняют. А ещё надо, где ближе к пасеке и мало пчёл.

Под лесом проходило дно оврага, попадались большие ямы от паводков и половодья. В некоторых местах дорогу подмыло, приходилось Стёпке оставлять велосипед и помогать Генке объезжать ямы. Ехали они лугом долго. Потом Стёпка ходил в лесу, где у кустов поднимался высокий красноголовый клевер, росший густо, кругами, срывал по несколько стеблей, связывал травинкой и отдавал Генке. Нарвал иван-да-марьи с сине-жёлтыми цветками и нашёл мышинный горошек. Потом разных луговых цветов нарвал и добрался до дороги на Иван-Чай.

Стёпка знал, что эта дорога приведёт к школьному саду. Однажды он уже ехал с отцом по ней домой. Но дорога поднималась в гору очень круто, Генке по ней в коляске сразу было бы не выбраться.

Они остановились отдохнуть под дубом, в холодке. Лежали на спинах и смотрели через листву на небо. Вверху вилась мошкара, паучки спускались на паутинах, словно с небес на землю, посмотреть, какая тут жизнь.

— Стёп, ты знаешь, какая это дорога? В войну немцы сюда на танках заехали, а на эту гору не выкарабкались, — заговорил Генка. — Эта дорога за наших была.

— Слабаки фашисты, — заключил Стёпка и зевнул. — Наши прошли бы. Наши на любую гору взойдут. Правда, Ген?

— Правда, — ответил Генка.

Стёпка говорил ещё какие-то слова, но Генка не расслышал их, он "засыпал и плохо разбирал звуки. Генке казалось, что это не Стёпкина речь возникает рядом, а с высоты льётся чья-то песня, звенит, звенит — тоньше и тоньше. И так хорошо ему от этой песни, хорошо впервые. За песней открываются сны, красивые, спокойные. То ли кажется Генке, что он легко плывёт в облаке по синему небу, то ли на самом деле так, но он плывёт куда-то. Стёпка кричит ему — не докричится. Генка оборачивается, идёт, идёт и скрывается вдаль...

Когда стало темнеть, Генка со Стёпкой поехали на пасеку. В ранней вечерней тьме полынь походила на зверей, кусты казались великанами. Почти из-под колёс взлетали с дороги птички, гревшиеся на тёплой дорожной земле.

Разговаривали почему-то полусшёпотом. Небо было обсыпано звёздами, Генка больше смотрел вверх. Он сидел в коляске. Ему можно было задирать голову и видеть дорогу. Над ними тянулся Млечный Путь, словно отражалась в небе их дорога. Звёзды вспыхивали крупные и мелкие, горели и ярко, и тускло, разными огоньками. Съехав в ложину, Генка сказал:

— Стёп, давай остановимся. Может быть, спутник полетит. Я давно не видал спутники.

— И я давно, — соглашаясь остановиться, ответил Стёпка. — Я люблю на небо смотреть.

Они сели рядом в коляске. Велосипед Стёпка положил на обочине дороги. Разнообразный звёздный мир поднимался над ними, уходил в самую высокую высь и терялся там в невидимости.

— Стёп, ты полетел бы на звёзды? — прошептал Генка.

— Полетел бы, — ответил Стёпка. — Не возьмут только. Надо большим стать, тогда...

— Сейчас не возьмут, а потом будут брать, — сказал Генка. — Счастливые ребята будут, правда?

— Ген, а мы давай свою ракету сделаем и полетим, — предложил Стёпка. — Я свой велосипед отдам на части.

— Ракета большая. Нам её не сделать, — ответил с грустью Генка. — Они потом продаваться будут, как велосипеды, тогда мы с тобой купим и полетим.

— Ждать долго, Ген, надоест. Свою ракету сделать бы.

— Мы потом подумаем, — сказал Генка и стал рассказывать Стёпке о звёздах. Он знал, какая как называется, находил их без труда.

— Ген, а почему ты знаешь их все? — спросил Стёпка. — Наш Витька так не знает, а в школу ходит.

— Дядя меня учит, — ответил Генка. — Он сам со звёздами работает, учитывает их и смотрит в телескопы.

— И всё видит там?! — удивился Стёпка.

— Всё-всё видит.

— Ген, а они считали звёзды? — спросил Стёпка.

— Считали, — ответил Генка. — Они знают всё.

— Вот счастливые, — вздохнул от зависти Стёпка и спросил: — Ген, а маленьких к ним берут работать?

— Берут. Меня дядя тоже возьмёт, когда я восемь классов закончу.

— Ген, а ты меня потом возьми, ладно? — попросился Стёпка.

— Возьму, — ответил Генка. — Только, Стёп, надо далеко ехать, в самый Крым.

— Ну, я посмотреть только, а потом назад приеду, в Еленовку. В Крыму, наверное, плохо. А тут мне надо пчеловодом работать.

— Кто-то на машине едет, — сказал Генка.

От Иван-Чая светили фары машины. Ребята спрятались за ракитовый куст. Машина прогремела по дороге, пронеслась мимо. Они выбрались из укрытия и двинулись дальше.

Совсем стемнело, когда ребята появились на пасеке. Под яблонями сидела бабка Герасимиха — сторожила пчёл. Ребята затаились у амбара, прислушались.

— Ген, она похожа на колдунью, — прошептал Стёпка. И в этот миг кто-то прошумел по траве и подкатился к Стёпкиным ногам. В темноте блеснули два зелёных огонька, раздался визг и кто-то взлетел по яблоневому стволу, шурша по коре когтями.

— Кот, — шепнул Генка и тоже шёпотом крикнул: — Бр-рысь!

Кот шмякнулся о землю, взвизгнул и унёсся к амбару.

— Э-эй, — раздался голос бабки Герасимихи. — Я вот сейчас поколобродничаю. Я вот... Это вам тут не выгон, в горелки играть. Палку возьму...

— Увидала, Ген, — шепнул Стёпка.

— Стой, не двигайся, — предупредил Генка. — Послушаем ещё.

— Ночь-полночь, а им не спится, — причитала бабка на всю пасеку. — Утихомирю сейчас разом.

— Ген, где она? — спросил Стёпка.

— Я не вижу, — ответил Генка. — Может быть, её тут совсем нету. Голос один остался.

Стёпка вгляделся пристальнее и вдруг увидал полосу света, словно занимался огнём амбар изнутри и между брёвен виднелось пламя.

— Ген, ты видишь? — зашептал Стёпка, сдавив Генке плечо.

— Вижу, — ответил Генка. — Светится. Не пойдём туда.

Они, словно по команде, не осторожничая, пустились прочь с пасеки. Стёпка пробовал на ходу оседлать велосипед, но не попадал ногой на педаль, оступался, словно в яму. Генка мчался впереди, словно с мотором. Они вылетели из сада. Вдруг по всему селу вспыхнул яркий свет, словно ударила гроза.

Генка сразу остановился.

— Электричества не было, — успокоенно сказал он.

— Да, — согласился Стёпка. — Наверно, замыкание было.

За Иван-Чаем стало темно. Стёпке сразу захотелось спать, было лень садиться на велосипед, крутить педали. Но скоро они присмотрелись к дороге, отъехали, оглядываясь назад, потом перестали бояться, с шёпота незаметно перешли на громкий разговор и добрались благополучно до дома. Генку ждали в доме. А Стёпку никто не встречал. Он закатил в сарай велосипед и забрался с невымытыми ногами (после всех ночных приключений на пруд не пойдёшь) на постель к брату под тёплое одеяло.

Скоро запели петухи. С луга слышалось фыркание лошадей, ржали сосунки, им отзывались матки. Стёпка слушал, думал о пасеке, о бабке и не мог уснуть. Что ж там было у амбара на том месте, где светилось? ..

— Где ты был? — спросил, зевая, Витька. — Мы тебя все искали.

— С Генкой катался, — ответил Стёпка. — Вить, а раковые гнилушки в темноте светятся, если их к стенке наставить?

— Ещё как светятся. А что? — ответив, спросил Витька.

— Так. Наши гнилушки на пасеке, наверно, здорово-здорово горят.

— А мы у бабки Герасимихи спросим завтра, — сказал Витька. — Спи, хватит тебе разговаривать. Утром опять рано вставать...

Стёпка отработал на пасеке до первого сентября. Перед школой колхоз снова наградил Стёпку. Он получил школьную сумку с книжками и тетрадями для первого класса. Сумки такие в магазинах не продаются. Это председатель подарил свою, с которой воевал. На сумке был компас.

Генке колхоз подарил радиоприёмник, Витьке — шахматы, Кольке Степанову — карманный фонарь, Мишке Козлову — ремень со звездой на пряжке, а Васька Скомогоха так ничего и не заработал...

Стёпка после уроков забегал к отцу, помогал ему. А главное, он видел, как пчёлы заканчивали свою работу, как они выгоняли из ульев помирать на улице прожорливых ленивых трутней, как потом ульи отец утеплял на зиму и составлял их в омшаник.

Заглядывал Стёпка на пасеку и зимой, когда сад и все деревья стояли без листьев, всё было занесено снегом, по снегу проходили заячьи и кошачьи следы. Стёпке становилось грустно. Ему хотелось, чтобы всё время было лето, он работал бы с отцом и ребятами. Но зима не могла уступить Стёпкиным желаниям. Она мела снега, выкидывала крепкие морозы, пугала холодами. И надо было ждать её конца, ждать долго, до весны — и Стёпка ждал...